

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

СИБИРИАДА

Золотая
лихорадка

Сибиряда

Николай Задорнов
Золотая лихорадка

«ВЕЧЕ»

1969

Задорнов Н. П.

Золотая лихорадка / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ»,
1969 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-8717-4

Николай Павлович Задорнов (1909—1992) — известный русский писатель, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР (1969). Его перу принадлежат два больших цикла произведений об освоении Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами в XIX веке. «Золотая лихорадка» — продолжение широко известного романа «Амур-батюшка». В последние десятилетия XIX века на многочисленных притоках Амура были открыты богатые золотые россыпи. Гонимые нуждой и лишениями переселенцы целыми деревнями уходили в тайгу мыть благородный металл. То там, то тут в глубине приамурских лесов возникали «братские республики» старателей со своими законами и правителями. Некоторые из них даже вступали в открытую борьбу с царскими властями. О жизни одной из таких «республик» и рассказывается в романе.

ISBN 978-5-4444-8717-4

© Задорнов Н. П., 1969

© ВЕЧЕ, 1969

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	38
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	52
Глава 12	55
Глава 13	60
Глава 14	64
Глава 15	69
Глава 16	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Николай Задорнов

Золотая лихорадка

Знак информационной поддержки 12+

© Задорнов Н.П., наследники, 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Время тьмы

Глава 1

Егор проводил экспедицию ученого Максимова от деревни Уральской, с Амура, за хребты и теперь возвращался домой. Сегодня солнце большое и яркое, словно Егор подобрался к нему поближе. Лес вокруг холодный, еловый. Солнце жаркое, а прохладно.

Открылось озеро. Вокруг лес и горы, как шапки. А Егор знает, что горы тут должны быть высокие, он видел их издали. Глядя на них, брел по болотам и протокам на бате – долбленной лодке. А здесь они кажутся маленькими. Значит, это их вершины. Озеро не под облаками ли?

Подумалось, что в таких местах надо селиться сектантам, отшельникам. Покой и тишина. Крикнешь – как выстрел раздастся. Кажется, что вся природа здесь, как настороженная оленушка.

Егор поднял ружье и выстрелил дробью по стайке пролетающих уток. Все озеро, казалось, вздрогнуло, как испуганное. Утка свалилась вблизи. Через миг упала другая, немного пролетела подбитая.

Место чистое и глухое. Из озера вытекает широкая речка. У ее истока Егор разжег костер, ошипал уток и стал варить похлебку. Подумал, что это, наверно, и есть речка Ух. «Только Улугушка почему-то не сказал, что Ух вытекает из озера. Разве он в вершину никогда не добирался? Быть этого не может. Хитрый Улугушка! Моет золото. Нашел местечко!» – вспомнил Кузнецов своего приятеля из соседней деревни.

Улугушка не согласился проводить. Пришлось идти Егору. Улугу советовал ему возвращаться по речке Ух, хвалил, что там безопасно, ночевать можно спокойно.

– Никто не застрелит с берега из-за лесины. Никого там нет, – говорил он, – некому грабить и воровать. Тебе будет хорошо. Возьми с собой лоток. Когда я там бывал, я еще не знал, какое золото, как его мыть, простого лотка сделать не умел. А ты попробуй, может быть, там есть...

У Егора с собой лоток.

Вчера с трудом тащил Егор свою лодку, купленную Максимовым для него у тунгусов. Волочил ее через низкую седловину там, где переволок через водораздел. Подложил под нее полозья и впрягся в лямки. Перейдя перевал, почувствовал, что заблудился. Стал искать какой-нибудь ключ. Куда вода потечет – там и дорога. Вода обязательно выведет. Любого человека. Заблудился – ищи текущую воду.

И побрел Егор в рыжих, измытых ичихах, шлепая по воде и грязи, тянул лодку по мелководью.

Увидел, что из-под дернины выбегала слабая струйка, перебивая лужицу, глубокую и чистую. На дне ее, как чудо, – лежала галька, несколько кругляшей. Вокруг росли мелкие, но густые деревья, опутанные подлеском и кустарником, и было сумрачно, тесно и как-то грустно. Только в ключевой водице светло, как в солнечном небе. Один камешек, как золотой самородок, чуть щербатый, но изрядно обкатанный.

Хотелось пить. Егор нагнулся к ключу, встал на ладони, упершись ими в траву по обе стороны лужи. Слышно стало, как журчит вода. Как перышко, невидимое в воде, течение оставляло след на ее поверхности. Рождался родник. Вот она – вода и верная дорога. Не хотелось Егору запускать свою огромную лапищу в родник, из которого он только что испил. Бог с ним! Неизвестно, что за камень; пусть лежит, тут ему и место. Вода дороже.

Он вспомнил, какие страшные засухи бывали на старых местах. Из низовьев Волги люди приходили на Каму с мешками, говорили, что бросили дома и хозяйство и что соседи их умирают от голода. От недорода народ мер повально. Почему люди держатся за старые места? Надо уходить оттуда, пусть помещики спохватятся и не утесняют крестьянство.

Здесь не знают, что такое засуха. Само слово, наверно, скоро забудется.

Егор тащил вчера лодку по траве и по камням, откидывая ногой белые валегы, как раскиданные кости, – сушняк мертвых кустарников и деревьев. На горном высоком и холодном лугу трава, как большие листья. Вспомнил дом, своих выросших детей, как тянет их город, как стреляют они зверей новыми ружьями, крыши кроют белым железом. А Егор тянет лямки, волочит лодку. Начальник экспедиции Максимов говорил, что памятник поставят человеку с ляжкой, который открывал новые земли. Были бы дети счастливы! Если их американское железо и ружья не разбалуют, то пусть живут, как им хочется, по-своему. А я как привык.

Магазинное ружье у Егора с собой. Он новинок не чурается. Сыновья прочли в газете, что собираются строить через Сибирь железную дорогу. Купцы станут закупать больше рыбы – кеты...

Ключ слился сразу с двумя другими, ушел под сваленный ветром кедр.

Егор притомился. Надо лодку перетаскивать через чащу, валега мешает, поперек ключа лежит. Не пробить бы долбленную легкую лодку обколотыми, острыми, как кинжалы, обломками сучьев. Такое острие скрыться может и в охапке больших ветвей, мохнатых и мягких. Мошка вьется тучей, вокруг сыро. Егор решил найти место посуше, зажечь костер, поставить накомарник и ночевать. Сначала перетащил лодку. Солнце светило низко, как зимой, и вскоре ушло в шапки кедров.

Сегодня утром ключ превратился в речушку. Егор спустил лодку и впервые уселся в нее. Открылась марь. Речка шла по ней петляя. Кругом ржавчина, мертвые маленькие деревья и живые деревья, как темные кресты. Речка становилась шире.

Пошел дождь. Закрылась марь. Даже думать ни о чем не хотелось. Нельзя пристать к мокрому берегу в кочажниках. Нет сухого места.

«Кто поверит потом, что мы по всему Амуру сеяли хлеб и собирали хорошие урожаи, если дети со временем бросят пашни?» – думал Егор еще сегодня утром.

Когда речка вынесла его лодку к озеру, показалось Егору, что течение не спустило ее, а подняло, как на водяной бугор, такой светлой, большой и веселой была озерная вода. Солнце взошло, края озера – в тени.

«Река мне путь укажет!» – сказал себе Егор.

Он не стал брать пробы песков. Радуюсь, что попал на большую дорогу, похлебал варево из рубленой утки, побродил немного по берегу. Сложил пожитки, шагнул в лодку и оттолкнулся большим шестом. Долбленный бат вместе с озерной водой ринулся в речку и понесся с ее водами. «Теперь уж скоро попаду домой!» – подумал Егор.

Начали подыматься голые, ободранные деревья, толстые и высокие, как остатки разрушенных домов или соборов, словно их кто-то нарочно расставил по мелколесью. Река зашумела на перекатах. Стоял тут когда-то другой, сильный лес и вымер.

Долго еще не исчезали мертвые великаны за ивняками. Наконец на крутом повороте реки потонули в тайге. Впереди появился черный палец с когтем. Коготь величиной с большое дерево. Лодка дошла до него, резко повернулась, понеслась под крутой каменной стеной. Вдруг лодку тряхнуло, а стена как треснула, открылась в ней расселина, и оттуда между двух каменных стен ворвался и хлынул в речку другой поток, весь в пене, наплывами расходилось его буйное течение по реке. Она взбудоражилась, а за поворотом, где кончился перебой, разведенный двумя сшибающимися течениями, понеслась еще стремительней. В лесу стал виден камень, кекур, как страшилище, похожее на бабу о двух головах. Дальше скалы, как каменные перья, мелкий и крупный лес подошел к ним и кое-где молодежь завелась на их расселинах.

По левому берегу – пески, протоки, излучины, луга, острова, опять пески и нет никого – ни куликов, ни уток. И снова голые холмы песка, кое-где в ложбинах – ерничек. Баба с двумя головами угрожающе мчится навстречу и, как помело, под мышкой держит повалившуюся лиственницу, желтую, как метла, с иссохшими поднятыми ветром корнями.

Егор повернул лодку, загнал ее между песчаных кос, выпрыгнул. «Тут перебор, спор речек!» – сказал он себе.

Вытащил лоток и пошел по берегу, загребая песок и тут же подставляя лоток под струю.

Он оглянулся на бабу о двух головах со столетней лесиной вместо метлы. «Место заметное!»

Егор разулся, босой пошел по воде. Садился на корточки, вставал, греб песок из ложа реки, опять приседал, греб из намыва, из обрыва, с косы, копал лопаткой.

Попался самородочек размером в сустав пальца. Еще попался кусок породы, весь в мелких зернах золота. И другой – побольше. Как несколько колец мятых – словно тек плавленный металл и охватил камень. Видимо, где-то в горах, поблизости, была богатая руда.

Егор оставил лоток, ружье надел на плечо, огляделся: «Сухарей мало. Надо хорошую рыбину поймать, сварить уху. И ружья нельзя оставлять. Береженого Бог бережет! – решил он. – А золото не уйдет. Только что это за река? Если это речка Ух, то меня вынесет в заливное озеро. Сюда можно будет вернуться нынешней осенью.

Здесь еще в июне лежат снега на вершинах гор, только сейчас они растаяли, где ни ступишь на берег – вода хлопает под ичигами. На песке, на отмелях сухо. Днем тут жарко. Наверно, сыро, мозгляво ночью.

Но разве Ух такая большая река? Или Улугушка сам толком не знает?»

Стали попадаться плавучие лесины. Затопленные лесины торчат из воды. Крутом все несется, иногда река шумит в крутом падении на мелях и расширяется, по виду не поймешь, плывут лесины или, утопленные, стоймя стоят на месте, и течение водит их и трясет ветви.

Пришло Егору в голову, что отсюда еще и не выберешься, кости тут сгниют... Может, это та река, про которую толкуют шаманы? Они твердят, есть, мол, река, идет в горах мимо окаменевших людей, мимо хозяина тайги о двух головах и потом вся падает в трещину в земле и уходит в подземный мир.

Егора мороз подрал по коже. «Этого быть не может, сказка! Максимов бы знал... Хотя говорят, бывают такие реки, что уходят под землю. Но это не у нас!»

Раздался хлопок в чаще, и над ухом Егора словно хлестнули длинным кнутом по воздуху.

Егор пригнулся, налег несколько раз на весло, огибая ходившую вверх и вниз ветвистую лесину с нанесенной травой, похожей на огромную копну сена, которая время от времени подпрыгивала на воде.

Зайдя за нее, Егор ухватился рукой за ветвь, закрепил лодку и притих. Он спокоен, словно не пуля, а утка пролетела у него над головой. Он приготовил ружье. Тому, кто стрелял с берега, сейчас не должно быть видно лодку.

Егор, не задумываясь, сшиб бы сейчас этого охотника на горбачей. «Хотя бы еще раз стрелил, я бы шибанул по дымку. Теперь меня достать трудно из старой кремневки, а я ему дошлю пулю!»

Никто не стрелял.

Егор тщательно разглядывал дальний берег. Прикинул, где шла лодка, когда раздался выстрел, откуда бы удобней стрелять. «Вон славное местечко: выдался мысок, заросший чащею, на нем старая ель, полулегла, ветвями коснулась земли. Удобно залечь и ждать, если лодка идет мимо! Как только он промахнулся!»

Егору показалось, что на еловом стволе что-то лежит. Он стал целиться и так напрягся, что и ель и человек на ней стали двоиться. Егор понял, что устал и волнуется. Он опустил

ружье и тут же вскинул его и выстрелил по упавшей елке. Со ствола поднялся человек и ушел в чащу. Егор послал вдогонку еще одну пулю. С берега не отвечали.

Егор знал старый закон: одному по тайге ходить нельзя, да еще неизвестными местами. Но ведь это не тропа, а речка.

Про речку Ух Егор слышал не раз и прежде. Он надеялся, что в обратный путь с ним пойдут через перевал тунгусы и покажут исток. Но дожди закрыли перевал, и тунгусы почему-то идти наотрез отказались. Максимов поблагодарил Егора за труды и повел экспедицию свою дальше.

Егору приходилось либо ждать, когда соберутся тунгусы, либо идти одному. Егор не любил ждать или сидеть без дела. Он надеялся на себя. Случая не было, чтобы он не нашелся. Теперь, когда опасность миновала, стало страшно.

«А что-то не похоже на речку Ух!» – подумал он. Про такие места никто никогда ему не говорил. Конечно, под сопку река не скатится, об этом не может быть и речи. Но чего уж хуже! Вот бы он влепил пулю! А говорят, мол, непроходимая тайга, безлюдный край! Нет, край не безлюдный! Только паспортов жителям не дают, и люди не записаны. Вот, примерно, кто он? С ружьем человек. Лодка где-то у него спрятана. Теперь он станет следить за мной!

Егор развязал платок с золотом. Ему хотелось увериться! Станный самородок! Словно текло горячее, расплавленное золото и залило крепкий камень.

Течение стало тише. «Может, Амур близко? К вечеру, может, доберусь? Тут не из тамбовских ли кто бродяжит?»

Вода спадала. После летней «коренной» прибыли сильно обнажились еще недавно скрытые под водой пески.

«Может, я уже на какой-нибудь из амурских протоков? Нет, вода черная, прозрачная – горная. Это не Амур. Вон опять подвигаются, выползают из-за леса горы. Может быть, это дальний берег Амура? Нет, слишком быстро подходят, подползают. Слишком близки! Обогну эти сопки, и, наверное, там озеро... Никакого Амура здесь нет, будет озеро!»

Егор удивлялся, почему не видно птиц, нет на песках крестиков от их лапок и нет звериных следов.

От больших гор вперед побежали малые сопочки в горелом лесу, страшноватые своей щетинистой горелой чернью. Одна сопка остановилась у реки, оборвалась и навалила по обрыву груды обгорелых деревьев. Из-под завала белого наносника и горелого леса ушла вода, он стоял на мели. Егор обогнул завал по кривулине – протоке.

Он начинал уставать от напряжения и неизвестности. Егор знал за собой умение терпеть, был скроен крепко, рожден здоровой матерью и вырос в здоровом труде, не зная увечий, испугов, то выдерживал, что других тяготило, мучило, гневало. Без сетований и жалоб на судьбу проплыл три тысячи верст на плоту в памятное первое лето на Дальнем Востоке, как теперь стали называть здешние края. Плыл и не скулил. Люди замечали выносливость Егора и не завидовали, радуясь, что среди них был надежный человек.

Теперь приходили в голову неприятные мысли: «Все это может вмиг закончиться впустую, пропадешь ни за грош ни за копейку. Почему конца реки нет? Говорили, что вниз по реке два дня пути! А тут уж на исходе третий день. Река несет быстрее, чем обычные таежные речки. Куда идет эта река?» Егор не робкого десятка, но и его брала оторопь. «Но еще посмотрим... Ко мне морок не подступит!»

За свою жизнь Егор ни разу не видел ничего сверхъестественного и никогда ему ничего не чудилось. Только раз, когда болел, казалось, что руки стали большие, как неколотые поленья – долготье. Это он сейчас вспомнил хорошо, какими тяжелыми ему казались свои руки.

«Текучая вода не подведет, куда-то вынесет, где есть люди! – твердил он себе. Закон таежников помнил крепко. – Нечистой силы не бывает! А может, несет меня в другую сторону, на Зею? Сколько же тогда я проброжу?»

Вспомнился дом, семья. И такие мелкие подробности, которые прежде не приходили в голову. Он не наточил топоры, исцербатился самый большой колун. Хотел рубить им дерево, а оно как железо... Вдруг искры ударили из-под топора. Егор очнулся и понял, что задремал, сидя в лодке, но не выпустил весла. Река убаюкивала его. Он вспомнил, что в гольдовских сказках черт усыпляет охотника в тайге и шепчет на ухо.

Пристал к берегу и передохнул. Дальше река пошла не к солнцу, где было озеро Ух, а к северу.

«Экая петля! – думал Егор и все ждал, когда оборотится течение. – Куда же я?»

На первый же косе Егор вылез. В лоток попали шлихи и маленький значок, с булавочную головку. Егор не спешил, словно хотел показать кому-то, что не боится.

«Пусть нападают!» – подумал он.

Ружья он теперь не оставлял ни на миг.

Ночью не спалось. Зажег лучины на носу лодки. Убил острой тайменя. На костре обжарил красные ломти тайменского мяса.

Утром вылез из-под накомарника и подумал: «Чем все это кончится? Как бы то ни было, но дальше Амура унести не могло. Чего бояться! Не надо спешить! – решил Егор. – Утро хорошее, надо поплескаться».

Он полез по кустарникам туда, где шумела быстрина. Вода забежала в деревянный лоток и смыла муть, что набутарил рукой Егор. Он поднял лоток, отцедил и увидел, что на дне, в осадке, сверкнули два крупных и чистых значка. Он захватил в другой и в третий раз, но попались крупницы, потом попался самородок с горошину. Еще раз смыл, опять попался крупный самородок, как боб.

«Надо удержаться, – подумал Егор, – а то затынет!»

Добытое золото завернул в платок, закрутил его и засунул под туго затянутый пояс. Надвинул картуз, разгладил бороду, взял шест, оттолкнулся. Немного жаль было уезжать. «Да надо ехать, а то сдохнешь тут на золоте голодный!»

Вскоре послышался грохот переката. Река вынесла лодку на покрытую пеной площадь среди низкого частокола отдаленных лесов, за которыми голубели бугры. Кое-где торчали камни и каменные гребни среди реки, вода билась в них, вышибая целые столбы брызг, все вокруг шумело и кипело.

Егор привалил к берегу. Надо было осмотреться.

Вода бежала по выбоинам в каменистом дне, которое видно со всеми трещинами в мохнатых водорослях. Русло реки, как огромный каменный лоток с углублениями. Егор выгреб песок из одной выбоины. В лотке оказалась целая горсть золота.

«Сколько же его! – подумал он. – Не это ли Золотая Долина?»

О такой долине всегда шли разговоры, но Егор полагал, что это вранье, вроде «молочных рек».

В соседней выбоине под камнем Егор нашел гнездо золотых бобов, десятков, как будто кто отсчитал. Камень тяжелый. Егор царапнул его ногтем. Завиделся блеск. «Самородок!»

Замутилась голова, как у пьяного. «К добру ли?» – мелькнула мысль, но Егор, не веря прежде ни в какие предсказания и суеверия, и теперь старался отогнать беспокойные мысли. «Все к лучшему! – вспомнил он слова матери. – Человек должен со всем обойтись... Все людское!»

Надо было подумать, как спускаться дальше через видимые завалы леса на реке. Егор решил не спешить, чтобы потом не жалеть, что не взял золота.

В кедровом лесу прыгали белки, река ушла вторым руслом в сторону и там грохотала. Егор удачно выбрал правое ложе, пошел кривуном, где течение спокойней...

Глава 2

С подмытого обрыва недавно упала лиственница в реку и пляшет на упершихся в дно полусогнутых ветвях со свежей, не успевшей еще пожелтеть листвой. Егор пронесся под ее стволом, как в ворота.

Много деревьев падает в воду, лес валится с разбитых течением обрывов. Кажется, по воде расставлены зеленые невода и деревянные петли, идет охота на мужика, норовят изловить его вместе с лодкой.

Бат ходит под Егором как живой. Приходится глядеть в оба. Мигни не вовремя – разобьет лодку, погибнет оружие и последний сухарь. Да на глубине и ухватиться не за что, кроме как за свою бороду!

Порох спрятан в кожаных мешочках – на теле на случай, если лодку разобьет, – чтобы не замок и не потерялся.

«Такое богатство на меня свалилось! И я его не упустил. По всей речке не зря прошел. Не зря томлюсь!»

Какая-то стояла мгла в воздухе, словно собирается непогода. «Или пахнет дымом? Не горит ли лес?»

Началась мрачная марь. На ней виден мелкий мертвый лес, редкие деревья на кочажнике. Человек бежит по мари. «Это не человек, а маленькая иссохшая береза!» – говорит себе Егор.

Лодка быстро идет, поэтому кажется, что деревья бегут навстречу. Был кедр, сторел от морозного ветра. Похож на старика. И руку поднял и кричит: «Стой!» Услыхал Егор. Но он знает, что это показалось. Людей тут нет.

«Боже мой, какое богатство я намыл! Может ли это быть? Я сюда приведу людей. Я этого места не скрою, – думает Егор, – тогда посмотрим, что будет...»

«Сто-ой!» – кричит старик и скрипит зубами.

«Теперь я погиб, – думает Егор. – Это камни так скрежещут, течение гонит их по дну, здоровые галечники ворочает, и они стучат и скрипят, будто бы кто-то окликает или стонет».

А люди все бегут по мари. Появилась женщина голая, волосы копной, руку подняла, и видно, как рука у нее постепенно сгибается.

«Хотя бы берег стоял повыше, не видеть бы страшилищ, каких тут ветры насушили».

Другая девка стоит в рост, не стесняется наготы, крупная, с пупком в два кружка..

Пронеслась и эта. Старуха бежит с лохматой головой, тоже раздетая. «Это все бескорье, старые лесины», – утешает себя Егор.

Завалов тут нет, шивера из воды не торчат. Кузнецов стал сильно налегать на весло. Река огибает марь. Теперь опять появились чудища, но бежали обратно. Бегут вперегонки черные люди, низкие, со страшно растопыренными руками. У некоторых по три руки, даже по четыре. И кажется, что все хотят что-то выхватить из воздуха.

Лодка пойдет быстрее – черные люди побегут быстрее. Лодка тише – и они тише. Кричат.

«Теперь от них никуда не денешься... Остановлюсь. Одну старую лесину срублю», – подумал Егор.

Он вышел. На берегу мелкая трава и кочки в воде. Виднелись старые бескорые деревья. «По кочажнику доберусь, обрублю им лапы». Но дальше он не пошел. Удивился, как ему могло прийти в голову, что надо срубить лесину.

«Места много – людей нет! – думает Егор, садясь в лодку. – А все говорят, что нас, русских, много. А нас – горсть. Конечно, начальство не велит расселяться, велит жить кучно, чтобы им за нами легче присматривать. Кажется, что людей много, когда всех на одно место сгоняют. В большом селе удобней смотреть за человеком. На старых местах народ содержат в гуртах, так способней налог брать. А на новых местах – строгость по старой привычке. Сколько

золота! Когда-то откроют еще его? Кому оно пойдет? Не тому ли банкиру с перстнями? Начальство о своем удобстве беспокоится. Но я тоже не без головы. А эти прииски открою людям. В тайге кто-то ходит, скрываются тут неведомые, несчитанные люди без паспортов».

Скалы побежали, как испуганные лоси с ветвистыми рогами. Умчались стадами вверх. Да где же конец? Открылась большая пойма, вся в молодых кустах. Зарастали волнистые пески. Холмы белого песка, как белое белье, настиранное бабами и развешанное вокруг.

«А что, если вынесет меня на Охотское море, к китам и белухам, – думал Егор. – Там есть, говорят, такие места, что не пристанешь к берегу, кругом скалы и бьет в них прибой!»

На привале запалил костер. Береста сгорела, а дрова оказались какие-то нехорошие. Улугушка говорил, что есть добрые дрова, а есть злые, шипят, скрипят и стреляют. Думалось о жене и детях, об отдыхе и отраде. «Баржу с хлебом можно купить, пароход с машиной вместе, если тут постараться».

Егор потрогал голову руками, как ошалелый или с сильного похмелья.

Он и прежде мыл золото. Но самые большие самородки тянули на пять или на десять рублей. Много труда тратил Егор в жизни за самую малицу достатка. Теперь на него свалилось богатство. Настоящее, огромное, превосходившее во много раз все, что заработал Егор прежде.

«Ну и что будет? Не обступят ли меня вот такие черные люди и страшные девки с толстыми пупками? Не застрелят ли из-за лесины? Ну, выйду... И куда я с золотом?.. Не дает ли мне тайга остережение? Стоит ли все это хлебов, пашни, трудовой жизни? Без хлеба. Без пути. С ружьем и с золотом... Богатым станешь – пойдешь пахать, а люди засмеют, скажут, бога гневить вышел, приbedняешься. Но не брать золота нельзя. Взять все себе – грешно. Людям дашь – на погубу. Не дашь – еще хуже, достанется врагам людским. А пожадничает и нахватаешься – скормишь себя комарам и птицам... Домой надо... Хлеб убирать!»

«Если встречу людей, то придется таиться, такое богатство нельзя сразу показать! Не бывало еще в жизни случая, чтобы что-то прятал от людей. Так, мелочи, бывало, приходилось... Умолчишь о чем-нибудь. Зря нехорошо болтать. Что будет с моими детьми, если набредут они на многие тысячи золота?»

Мелькнуло в голове – выбросить все в воду. «Возвратиться каким был? Золото найдут другие... Нет, я должен побороться».

...На берегу горел костер. У бревенчатой юрты сидели два старика и курили трубки. На берегу играли дети. Поодаль старуха собирала сучья. За бугром торчали неотпиленные жерди на крыше амбарчика.

Егор стал грести к берегу. Он не помнил, какой сегодня день. Сегодня в обед будет ровно неделя, как он нашел текучую воду. «В роднике, наверное, самородок лежал!» – подумал он.

Молодая женщина и девочка резали на бересте мясо и бросали кусочки в котел.

Маленькие дети, завидя чужого, гурьбой убежали за дом. Подняли морды собаки. Они нарыли норы и прятали туда головы, чтобы мошка и слепни не заедали. Глядя на Егора, собаки, не лая, лениво поплелись навстречу. Их бока, казалось, были изодраны, и шерсть висела клоками. Вокруг глаз шерсть истерта, словно на каждой собаке надеты большие розовые очки.

Старик поднялся и стал всматриваться. Он был в новой нерпичьей юбке, как из желтого бархата. Такие юбки носят гиляки.

Егор понял, что попал к гилякам, значит, вынесло его в низовья реки.

Сидя у костра на бревне, Егор почувствовал, как хочется ему есть. А мясо еще варилось. – Где Амур? – спросил Кузнецов.

Мошка тучей накинута на собак, и они, в ужасе обивая лапами глаза, бросились к своим норам и засунули в них головы.

Гиляки объяснили, что река неподалеку, ехать на лодке надо обратно, потом через озеро и еще по протоке. Там живет новосел. На острове знак для пароходов. А повыше, на другой стороне Амура, есть деревня Утес. Там пароходная пристань и стоят дрова.

– Много дров! – сказал другой гиляк.

Егор вспомнил, что в Утес переселился Котяй Овчинников из Тамбовки. На Утесе жил торгош Никита Жеребцов.

Гиляк спросил у Егора, откуда он.

– А-а! Ты экспедися ходил! Ты, однако, Кузнецов?

Старик что-то сказал женщине. Та пошла в свайный амбарчик, принесла бумажный кулек с мукой, замесила тесто.

Егор, протягивая ложку к котлу в очередь со стариками, заметил, что руки его худы, словно иссохли, по сравнению с крепкими смуглыми руками хозяев. Он заталкивал в рот горячую лепешку и поспешно жевал.

– Моя брат есть! – сказал с гордостью хозяин. – Ево полиция служит в городе Николаевском. Ну как, не слыхал! Ево полицейский. Имя Ибалка. У-у!

– А тебя как зовут?

– Меня? Мргхт! Хорошее имя? Русское имя тоже есть... Петька!

Гиляк показал нательный крест.

Глава 3

Егор не стал ночевать у гиляков и после обеда отправился дальше. Ему хотелось поскорей добраться до пристани. Гиляки предупреждали, что засветло он не успеет. Но они не знали, как мог Егор работать и стараться, тем более когда сыт и на верной дороге.

Егор перевалил озеро и пошел в высоком тальниковом лесу протокой, похожей на просеку, ровно залитую водой.

Появился высокий бугор. Чуть проглянуло солнце. На росчисти стояла изба из свежих бревен, без забора и без пашни. Веревка протянута от угла дома к тальниковому дереву. На солнце сушится старое белье, издали похожее на белые пески. Висит матросская рубаха.

Егор вспомнил, гиляки говорили, что по дороге живут новоселы. Хотелось бы встретить сейчас переселенца, каким и сам был, потолковать, пособить новому человеку советом и чем понадобится. Виднелась единственная крыша, нигде не было деревни.

Из тальников вышла девка в белом. Показалось Егору, что она ростом с хорошего парня. Платок низко надвинут на лоб. Поверх кофты с замочными рукавами в несколько рядов бусы. Юбка подоткнута, ноги в сапогах.

– Здравствуй, девица!

– Здравствуй, добрый человек! – ответила она и отвесила покорный поклон.

Умело схватившись руками за борт, подержала лодку, а потом помогла Егору вытащить ее на берег.

Рядом с Егором оказалась она небольшой и тоненькой.

– Мешок брать? – проворно схватилась она за лямки.

– А далеко ли до Утеса?

– А вы разве не здешний?

– Тут не бывал.

– До пристани еще далеко, – бойко вздернув свой маленький нос, ответила девушка.

Егор взял тяжелую сумку и оружие. Она одну лямку надела на плечо, взвалила тяжелый мешок и пошла вперед.

– Весла я потом занесу. А лодку выше надо поднять!

У крыльца лежали какие-то шары. Девушка оглянулась, улыбаясь, словно радуясь гостю и чувствуя его любопытство.

– Отец мой бакенщик... Сейчас расставляют новые створы.

– Так тут Амур?

– Протока...

«Может быть, я и шел тут когда-нибудь! – подумал Егор. – Все протоки не упомнишь!»

Поднявшись на крыльцо, Егор увидел вершину створы за песками.

– Зайдите в избу! – пригласила девушка. – Я вам все занесу.

Она разулась у крыльца, тщательно вытерла травой сапоги и поставила их на доске.

Девушка внесла вещи Егора, достала из сундучка мягое, но свежее полотенце. Под платком волосы ее казались черными, и темны были ее глаза. Она полила гостя на руки, черпая теплую воду из котла. На столе появился хлеб, посуда и черный горшок с рыбными щами. Сквозь открытую дверь виднелась лодка на песке и куча наносника, выловленного багром, блеклое солнце над лысой шкурой горелой сопки и заходящая туча.

Молодая хозяйка была приветлива и, как показалось Егору, походила на его сына Василия. Почудилось что-то свое, родное. Улыбка ее добрая и немного слабая, как у Васьки. И все смеется и смотрит на Егора с радостью, словно хочет что-то сказать или спросить, как будто знает Егора, но не решается напомнить.

– Когда высокая вода, пароходы и баржи с большой осадкой идут этой протокой, сокращают расстояние. Поэтому здесь тоже ставят знаки.

– Как же добраться до Утеса?

– Тут по дороге перекат. Отец покажет. Надо знать, как идти. День хода до пристани против течения. Если бы ветер!

Она принесла весла, положила их у крыльца и, входя, молвила:

– Нет ветра. Отец к ночи вернуться должен. Он ушел на паровом катере с рабочими. Говорят, скоро так обставят берег, что пароходы даже ночью пойдут. Может это быть? – быстро спросила она, вытягивая тонкую шею. – Много же бакенщиков понадобится!

«Несколько дней тому назад какой-то человек на речке стрелял в меня из-за лесины. А река идет сюда. Долго ли скатиться лихому человеку? Что же она так доверчива?» – подумал Егор.

Он рассказал, как вел экспедицию из Уральского и заплутался. Девушка вытянула тонкую шею и присела на лавку. Ее голова в платке походила на опенок или подберезовик. Егор слишком долго молчал и теперь охотно разговорился.

Стемнело. Девушка постелила Егору на кровати, а себе на лавке.

Кузнецов вытянулся и только сейчас почувствовал, как загудели его ноги и все кости. Нашлось наконец место, где можно отдохнуть. Он наговорился сегодня досыта... «А славная девушка!»

Ночью он услышал, как она, шлепая босыми ногами, вышла.

– Катерина, чья это лодка? – грубо спросил за окном хриплый голос.

– Из Уральского... Он экспедицию проводил... – доносились отрывки ее ответов.

Они еще о чем-то говорили.

В избу вошел человек с фонарем и поставил его на стол. Егор поднялся.

– Спи! – махнул ему рукой хозяин.

Он повесил куртку и картуз на гвоздь, разулся, задул фонарь. Слышно было, как он проворно вскочил на печь.

Егор поднялся на восходе, стал укладывать вещи. Хозяин ловил рыбу неподалеку от берега. Лодка его пошла к дому.

Через открытую дверь в избу засветило солнце. Катя принесла щепье. Сегодня глаза ее совсем светлые, платок сбил, видна русая коса. Без платка, узившего ее лицо, стало оно скуластей и добрей, а глаза – поменьше. Она еще больше походила сегодня на Ваську.

Разговаривая, Катя подымалась на носки, словно хотела взлететь, и вытягивала свою тонкую шею.

Отец ее пришел с карасями на пруте. Он хром, с обкуренными усами, с белокурым чубом в седине, морщинист и очень бледен, видимо, загар его не брал или он болел недавно, лицо без кровинки.

Шутливо откозырял Егору, как заправский вояка.

– Честь имею служить! Иван Федосеич Тихомиров, матрос первой статьи в отставке!.. Как спал? – хлопнул он Егора по плечу. – А как же платят вам в экспедиции? Откуда знаешь здешние места? Это все больше гиляки водят всех в тайгу.

Егор, наслушавшийся рассказов Кати про отца, смотрел на него с большим уважением. Мужчины разговорились.

Катя подала зажаренных карасей.

– Надо бы sprыснуть наше знакомство! Я живо сходил бы, а? – бойко спросил Федосеич и глянул на дверь. – Тут как раз за островом баркас ночует. Он у гиляцкой деревушки остановился... У них всего там!..

Егору не хотелось задерживаться. Теперь он понял, почему бакенщик так бледен. Егор промолчал, делая вид, что ничего не понимает. Бакенщик на своем не стал настаивать и про

«спрыски» более не вспоминал. Егору жаль стало пропойного пьяницу и дочь его, закинутых судьбой на край земли.

– Сколько же отсюда считается верст до Уральского? – спросил он.

– А не ты хозяин «штанов»? – вдруг спросил матрос.

– Я.

Катя опять вытянула шею и просияла и опять поднялась на пальцы, словно собиралась танцевать от радости.

– Ну, диво! – сказал Федосеич. – Тут ведь трещеба, а ты вышел невредимый! Поживи у нас хоть денек! Мы с тобой отдохнем. Тяжелая моя работа... Простужаешься... В шторм приходится ходить на шлюпке... Поди, Катерина, занеси-ка рангоут в пакгауз. Седне – в увольнение!

Пакгаузом он называл маленькую будку, стоявшую особняком на гребне холма.

Катя вынесла из шлюпки мачту, укладывала паруса.

– Ну, спасибо тебе, хозяин, – сказал Егор. – Дозволь поблагодарить и просим простить. А мне надобно спешно домой, хлеб убирать.

– На «Егоровы штаны» торопишься? – добродушно спросил Иван Федосеич. Он посмотрел на три рубля, которые Кузнецов положил на стол. – А что это?

– За ночлег в благодарность.

– Нет, я это не возьму. Как же можно брать за ночлег? Ты экспедицию вел за десять рублей, а я чуть не половину возьму себе... Один я не пью, ты не думай, что матрос... Мне человека надо, а это что... Начальство приезжало, и все кричали на меня... Жаль, Егор Кондратьевич... Эх ты, Амур! Слышал про тебя... Ну, как хочешь. Я неволишь не могу.

Матрос объяснил, как надо добраться до Утеса.

– Но если начнет ветер, то худо... Весла оставь, я пойду переметы погляжу! – крикнул старик дочери.

Видно было, что Федосеичу досадно, и он отпускает гостя скрепя сердце.

Егор подумал, что хозяин уступчив не по слабости и что, кажется, он – хороший мужик. Откуда занесла его судьба с дочерью на этот песчаный мол после жарких-то стран, и чудоптиц, и штормов в океанах... Туда-то и рвались дети Егора, теперь узнавшие, что океан рядом. Конечно, привык он на судне, в команде, к людям, мог выбрать себе товарищей. А здесь он одинок.

– Денег мне не надо. Лучше оставь дочери на счастье самородочек, – вдруг сказал Федосеич.

Егор спрятал деньги, развязал узелок и положил на стол золотой самородок.

– Когда-нибудь ей пригодится. На счастье тебе! – сказал отец, когда Катя вошла.

Она потупилась и, полуприкрывшись платком, с любопытством смотрела на стол. Потом она глянула на отца и на Егора быстро и с таким выражением, словно резанула их бритвой.

– Ты остерегайся, – сказал Егор, – меня на вашей речке стрелял какой-то человек. Кто – не знаю.

– Ну и что?

– А у тебя дочь остается одна.

– Так ведь стреляли-то в тайге! Так и должно быть. Не надо в тайгу ходить! То ли дело на корабле... Пушки такие стоят. Никаких пиратов не страшно. Мы видали пиратов разных: японских, малайских, китайских, невольничьи суда. Кого там только не видали!

Старик шутил, но, как показалось Егору, озаботился и поглядывал на дочь с недоумением.

– У меня же служба! Я тут... Я тебя провожу! – вскочил матрос. Он взял ружье и отнес в шлюпку.

– А то ты на бате не дойдешь. Да и зачем он тебе, этот бат. Брось его здесь.

Егор согласился.

За островом пристали к баркасу. Торговец, с грудью колесом, с кривыми ногами, белобрысый, с большими красными ушами, оказался старым знакомым Егора.

– А где же хозяин твой? Все в Благовещенске?

– Теперь я не у него, – отвечал ушастый, – теперь я сам хозяин!

– А Кешка у нас рыбу скупает!

– Да, у него свои пароходы. Слыхали, он мельницу какую поставил? Вальцовая у него своя! А начинал вот так же, на баркасе!

– Мы знаем, как он начинал!

На баркасе выпили вина. Матрос повеселел и всю дорогу потом рассказывал Егору разные морские истории. Женился он на Амуре, в Николаевске.

– А жена у меня померла, – сказал он. – А вот дочь... – Он вздохнул. – А я ловко у тебя про золото выведал? Ловко! Ловко! – сам себя похвалил матрос. – Видно же по штанам и по куртке, что весь в золотом песке. Катька и та догадалась. Ах, акуленок! Хоть отродясь золота не видала. Ты почистись перед деревней. Давай я тебе живо пошоркаю куртку, все счищу. А штаны надо с водой, успеет еще высохнуть. А то ведь у нас тут, кажись, разные люди живут... Я же вижу, я, брат, матрос кругосветного плавания. Теперь-то хромой... Человеке с золотом всегда заметно... Оно насквозь светится у человека через глаза и даже через лапы!

– А открывать это золото людям или не надо? – спросил Егор.

Матрос почистил куртку Егора. Лодка шла под косым парусом вверх по течению. Егор держал в руке веревку.

– Если открывать, то может быть горе.

– А не открыть – грех! Зачем же тогда оно? Зачем я его нашел? Зачем-то оно лежит в земле?

– Надо открывать! Мы на службе всем делимся с товарищем. Но я мыть его не пойду. Я к службе привык... А сыновья твои пусть идут! Пусть! Мимо нас люди поедут! Гилякам и тем тоскливо живется, они радуются, что пришли поселенцы, говорят, с русскими стало веселей, только, мол, пусть не воруют и не обманывают. Пусть, мол, не обижают нас! Да, это ты верно сказал, каких только людей не бывает!.. Я ей запрещу! Разве можно звать в избу незнакомого человека!

– Вот именно!

– Она знает, я объяснял, куда и как бить при случае... Да в крайности есть у нее и оружие... Да она умеет... Она бывалая, Катька! Ты степенный человек, а ей всегда хочется поговорить... В мать, покойницу... Надевай!

Старик отдал вычищенную куртку. Егору показалось, что он взгрустнул.

– Еще блестит в складках! – взором показал матрос Егору на ноги.

Егор намочил в воде серые остатки швабры и старательно помыл свои порыжевшие сморщенные ичиги.

– Ты как в золоте спал, в самой россыпи! – сказал Федосеич.

Глава 4

Крыши блестели на мохнатой сопочке с лысынами скал и с серым от дождя лесом.

Егор охотно не заезжал бы ни в какую деревню, отправился бы прямо домой. Но у него не было пригодной лодки, не было и денег, а выкладывать золото за лодку не следовало. Не было у него и хлеба, не было и желания тащиться столько дней против течения, тем более если судно на подходе, как сказал Федосеич.

Дождь стих. Серая тяжелая трава на берегу, обступившая вымокшие поленницы дров, кое-где поблескивала.

Мужик с черной бородой сидел на корточках на песке и что-то укладывал в воду. «Лыко он замачивает? – подивился Егор. – Зачем ему лапти? Вот еще какой народ есть!»

Матрос заложил пальцы в рот и оглушительно свистнул. «Так же и надо мной будут смеяться, если я пашню не брошу!» – мелькнуло в голове Егора.

Мужик поднялся. Видно стало, что он статный. Шлюпка прошла мимо него и пристала напротив последнего дома.

Мужик, мочивший лыко, повернул голову с орлиным носом, не спуская взора с приехавших.

...Где-то взвизгивала пила, потом стихла.

– Никак, Кондратыч? Ах ты свет! Вот гостенек! Милости прошу! – бежал сверху обрадованный Котяй. Он только что под навесом пилил бревно. Котяй ладонями сбил опилки с рубахи. – Неужели в экспедицию ходил? Ну что за удалой вы народ, уральские! Что ни поход – вы в тайгу ведете! А кто по речкам забирается в хребты с товаром? Опять же вы! Прежде был Иван Карпыч Бердышов, он у нас в Тамбовке из-под носа весь Горюн вырвал, пример все подавал, как тайги не бояться...

Котяй прежде жил в Тамбовке. Он рассорился там со старшим братом Сапкой и переселился на Утес. Говорили, будто бы теперь братья примирились.

В избе Егор небрежно поставил мешок у двери. Матрос положил сверху сумку. Сидя за столом, Егор невольно косился на свои вещи. Котяй это заметил.

Рябая баба – жена Котяя – стала собирать на стол. Овчинниковы торговали, и поэтому у них всегда был готов хороший обед и водка.

Егор почувствовал, что, войдя в деревню с добычей, он очутился как бы среди врагов. Теперь надо было лгать. Непривычно, и душа не мирится. А не лгать нельзя. Не добравшись до дому, хвалиться нечего. Не выкладывать же все в чужом доме напоказ...

– Дождись парохода, скоро будет, – сказал Котяй.

– Завтра к вечеру, – заметил матрос.

– Завтрева? – удивился хозяин.

Федосеич хотел остаться проводить нового знакомого на пароход.

– Езжай... У тебя дело! – ответил ему Кузнецов.

– Мое дело какое! Ночью не идут пароходы. Это не на маяке на море. Стемнело – зажигай... Услыхал рынду или пароходный гудок – реви, давай сирену! Не-ет! Тут огней не зажигаем. А знаки – они стоят...

Хотелось Котяю прознать секреты гостя, а времени оставалось немного. Егор не пил, как назло. Котяй слышал, что водится он с образованными из города, учит детей, лезет куда не надо...

Улучив миг, когда Егор после обеда вышел проводить Федосеича, торговец провел рукой по мешку. «Он образцы породы несет. Какие-то камешки. Не может быть, чтобы самородки такие здоровые!»

Жена Овчинникова, вылупив глаза, стояла перед багажом Егора.

– Иди, иди! – грубо сказал Котяй.

Баба покрылась платком, фыркнула и отвернулась.

Егор вошел, принес свою лопату, оставленную в шлюпке.

Как ни мылся и ни чистился мужик перед деревней, но и на мешке его, и по штанам, и на картузе Котяй замечал желтоватые пятна, по которым видно было, что шлялся человек в тайге не зря. За Егором шла слава дельного, крепкого мужика, который вытрудил пашню, заставляя пахать детей, тянул за собой соседей, зря ни за что не брался, и если что-нибудь делал, то с толком.

И вот он весь как на ладони. В пятнах золотистого песка с глиной, в изодранных об острые камни ичигах, с чуть приметной желтью под ногтями, с весело-тревожным горящим взглядом довольного человека, который хватил удачи. Казалось, он греб там песок ногтями. Вид у него напряженный. Видно, боится за что-то... «Эх, брат! А ведь я тебя вижу насквозь, – глядя ему в лицо, думал Котяй. – Ты неспроста явился...»

Но где у Егора главное богатство – в голове, или в мешке, или за поясом, взял его Егор или только видел, или только слышал и нес он образцы руд или самородки – Котяй еще не знал...

Пришел Никита Жеребцов, тот самый горбоносый, курчавый мужик с черными глазами, который мочил лыко. Егор знал его когда-то.

– Экспедицию он водил, – сказал Котяй про гостя.

– А-а! Экспедицию! Хорошо, хорошо это! А говорят, в той стороне золото богатое. Ведь ты рудознатец, уральский... Я мальчишкой был, мы с отцом шли через Урал, видели прииски... А потом в Сибири сами мыли... Это хорошо, коли экспедиция! А что же дальше экспедицию не повел?

– Пошли с тунгусами.

– Где же у нас тунгусы?

– За хребтом.

– От купца Бердышова, поди, экспедиция?

Надо было бы соврать, ответить, что, мол, от купца Бердышова. Но Егор ответил, что вел казенную экспедицию.

Гостеприимные и приветливые хозяева не могли владеть собой, когда чуяли золото. Егор видел, как целились и стреляли их глаза.

– Ты, пожалуйста, передвинь мешок и сумку, положи их на лавку, – сказал Котяй, – а то девки заденут как-нибудь...

Егор переложил сумку, а мешок закатил под широкую лавку, чтобы вещи не мешали хозяевам.

Жеребцов и Овчинниковы еще более уверились, что в мешке что-то есть. «Неужели там золотишко? Набит ими-то мешок, как самовар углями, – думал Котяй. Он старался утешить себя: – Ведь это уж кузнецовское – не мое! Надо самому найти божий дар! Мы же с ним товарищи-приятели».

Егору казалось, на него глядят, как на вора, осмелившегося мыть вблизи чужой деревни. Никто, конечно, не верил, что он ходил далеко. Сами жители Утеса зря в тайгу не забирались. Они скупали меха у промысловиков у себя в домах.

– Сын Василий у тебя славный! – сказал Жеребцов. – Я видал его в городе.

Чернобородый торгош поднялся и ушел. Котяй сказал про него:

– Дом обшил железом. Мало что крышу – сами стены обил железом, чтобы не сгореть. Деньги копит. Видел, он ходит лыко мочить. Подает пример людям, чтобы трудиться не разучились. А где же ты тунгусов нашел?

Рябая хозяйка, улыбаясь широко, подошла к Егору и с поклоном поднесла на подносе стакан вина.

– Выпей!

«Как люди, так и Марья крива!» – решил Егор и выпил.

– Я думал, что с голоду сдохну. Четверо суток шел без хлеба... Выбирался через хребты.

«Неужели у него с голоду так глаза запали?» – подумал Котяй.

– Всю дорогу пробы брал! – вдруг сказал Егор и ухмыльнулся.

– Дичи там видимо-невидимо, – ответил Котяй и деланно зевнул. – Руда в скале... Э-э-эх... В баню пойдешь?

Егор достал чистое белье. «Мешка не тронут? – подумал он. – Нельзя от бани отказаться и нельзя мешок с собой взять».

Вечером пили вино. Ночью Егор спал на лавке. Ему показалось, что чья-то рука словно лезла к его сумке, а потом задела подушку и лицо. Егор очнулся. На полу храпел Котяй. Все тихо. Похоже, что была рука. Не то искала что-то под подушкой, не то как бы невзначай задела Егора.

Глава 5

Пароход загудел и еще трижды рывкнул густо, чтобы рыбаки отошли с фарватера. Судя по местности, только что прошли устье Горюна и Тамбовку, где жила родня Егора, свояки. Мелькнула за островами деревня знакомых гольдов.

Завтра должны добраться до «Егоровых штанов». Уж и пашня не походит больше на штаны, а название укоренилось. Молодые выросли и все повторяют, а сами даже не знают, почему местность так называлась.

Егор привык к пароходам. «Разбаловался!» – думает он про себя. Часто приходится ездить на пароходах и другим крестьянам. Теперь даже и не верится, что была езда по Амуру без пароходов. Только небогатые торговцы из Забайкалья и Сансина еще ходят на своих баркасах и маймах под парусами.

Палуба и крыша парохода раскалились, и от этого кажется, что день еще жарче. Как рай земной на Амуре в эту пору.

Мимо плывут острова с травой, издали по виду – бархатистые лужки. Они тянутся на многие версты – луга без конца и края посреди реки. Травы стоят некошены и глубоки, вдвое выше человеческого роста. Мелькнет густая синь узкой просеки в траве, расколются острова и желтые кручи глины, и опять, сомкнувшись, поплывет от борта до гор травянистое раздолье.

Иногда пароход идет близ крутых скатов станового берега со множеством цветов на изумрудной крутизне, мимо увалов в душистых липняках, в дубах, размохнativшихся от пышной листвы.

На Амуре лето в самом разгаре. Нравится тут Егору, особенно после того, как выбрался из таких мест, где кажется, что еще тянется весна, никак не уступит лету или уж осень наступила, либо стоит там вечная осень, близки снега, холодные озера, мари всюду, лес горелый, камни и скалы и холодные потоки. Там и дням счету нет, собьешься... Зато там золото, а тут только трата его и тяжкий труд.

Медленно ползет пароход вверх по течению, кажется, что едва движется или стоит на месте...

Опять рывкнула труба. Людные места, за утро уже вторая лодка встретила. Не то что в тайге!

На Амуре хорошо, и Егор отогревался. Но не все хорошо на душе.

Сегодня утром, когда вышел на палубу и обдало лицо прохладным ветерком, Егор вспомнил все.

У мешка в каюте спал, этот же мешок видел во сне, из-за него корил себя, а мешок мешал ему и теснил его. Егор все хотел уйти, говорил жене Наталье: «Уйдем отсюда, тут неладно...» Сон врзался в память.

«Вот когда я перетрухал! Эдак отродясь со мной не бывало. И рад, что убрался от людей...» – подумал Егор. Не бывал он трусом до сих пор, пока не получил богатства, ради которого бился всю жизнь.

Вспомнил Егор, как жалел все эти годы, что россыпь на речке Додьге, под самой деревней, истощилась, что все пески там перемыл и мыть негде. Небогатая россыпь, а подмога была всем. Мыли и дети и женщины, старики, кореец, бывшие каторжные, жившие в деревне в рабочих, Сашка-китаец – приемный сын и крестник.

На пологом чистом холме зреют на солнце хлеба. Еще не налились, уборка не начиналась. Проблуждал Егор долго, но не опоздал. Однако, полагал он, на золото, которое лежит у него в каюте в перепачканном, грязном мешке и в сумке, можно в самом деле купить баржу с хлебом. Тогда зачем же сеять? Железную дорогу проведут скоро. Тихая жизнь, кажется, окончится.

«Все нам привезут!» И сейчас доставляют за меха, рыбу и золото много товаров. И муку. Но хочется хлеба своего, вытруженного.

Глядя на отдалявшиеся нивы тамбовцев, похожие на разноцветные лоскутья, Егор задумался о доме и привычных делах.

Но мысли его опять, словно с порывом ветра, относило назад, за кормовое колесо, за горы, за Утес, где Котьяй с женой, как ни крутились, так и не узнали ничего... За хребты и озера, далеко за ту речку.

«Неужели я раб евангельский, что зарыл Божий дар в землю? – оправдывался Егор. – Обидно уйти в медвежий угол и сосать лапу, когда можно развернуть большое дело и поднять народ. Пока тут все свои, глушь кругом недоступная. Железную дорогу на Амур еще не довели».

Егор чувствовал в себе разум и силу, годные не только себе, но и людям. Он смутно сознавал, что еще не все делает, на что способен.

Капитан наверху крикнул что-то в трубу. Прибежали с шестами двое матросов. Минуту Егора, они кланялись, снимая круглые шляпы.

«Мне уж мерещится, что и они про мое золото знают. Экое наваждение!» – подумал Егор.

Первый матрос – старик, низкий, смуглый. Второй – курчавый, с карими глазами.

Течение выносило откуда-то плавниковые деревья. Лесина с корнями быстро шла к колесу. Курчавый матрос привязался веревкой к шлюпбалке, перемахнул за борт и отвел плывущее дерево шестом, а комель оттолкнул ногой.

Капитан – косая сажень в плечах – подошел к Кузнецову.

– Как отдыхалось, Егор Кондратьевич?

– Благодарствую, Спиридон Лукич!

– От трудов своих отдыхайте, отдыхайте! – заискивающе сказал капитан.

– Матросы у вас молодцы, – не оставался в долгу Егор.

Егор был известным человеком на реке. Все знали «Егоровы штаны». У капитанов существовало поверье, что если едет Егор – это к счастью. Ему отводили каютное место.

– Что же их хвалить. Народ отпетый! Чуть что – я выброшу в пустоплесье.

Курчавый матрос, стоя на кожухе колеса, отвязался и, не держась, оглядывал реку с таким видом, словно ему хотелось запеть. Широкая грудь его бугрилась под рубахой. Перескочив борт и проходя мимо, он опять сдернул шляпу. Заворачивая голову и семеня босыми ногами, он пристально глянул на Егора.

– Веселый и бегаёт быстро! – заметил Кузнецов.

– За этой кобылкой приходится смотреть, – сводя белесые, выцветшие брови, ответил капитан.

Спиридон Лукич снял фуражку, повел рукой по черным волосам и ушел к себе.

Потом, сидя в каюте, Егор услышал, как подле окна кто-то посвистывал. Матросы забежали по палубе. Егор, выйдя, столкнулся лицом к лицу с кудрявым. Прошел, оглянулся и перехватил его взгляд.

...Опять Кузнецов стоит у борта с сумкой на плече и с мешком. В жгут скатана пустая половина мешка: там и куртка, и запасные штаны. В карманах золото уложено так, что не прощупаешь и не догадаешься, что у серого мужика в сером мешке.

Виден холм над «штанами», как шапка. Малые сопочки разбежались по морю тайги. Лес прорублен, нивы видны. Здесь теплей. Они уже начали желтеть. Стоят бревенчатые избы. Деревня пустая, никого нет, никто не встречает Егора.

Корец Николай появился у трапа. Он повел матросов к пленницам. Дома у Кузнецовых нет никого. Дверь в сени притворена, а дверь в избу приперта березовой жердью. Все уехали на заимку.

«Ждут, что отец прямо туда вернется по речке. А отца вашего, ребята, вон куда занесло! Знали бы!»

В доме тихо, солнечно, чисто, так чисто, как только одна Наталья умеет убирать, одна во всем свете.

Надо ехать на заимку, на речку Додьгу, к своим. Тут нечего задерживаться. Без хозяйки дом сирота... Деревня пустая.

Кони ходили за околицей за пашней. «Куда теперь золото? Не с собой же брать! На замки запирают? Отродясь не запирали... Опять это золото лезет в душу и заботит, будь оно неладно!»

Егор положил все в сундук. Умылся, переоделся, вышел, подпер дверь колом и с ружьем на плече пошел.

Буланый поднял морду. Заржала Рыжуха, подхватили жеребята.

Егор оглянулся. Кореец Николай в своем белом пальто стоял у дома и смотрел вслед Егору. Пароход пыхтел, выпуская мощную струю пара. По трапу матросы носили дрова вязанками.

Егор потрогал черные губы Буланого, погладил желтую шерсть, потом перелез через жерди. Егор вскочил на Буланого и поскакал без седла, как в детстве, когда гонял коней на водопой. Разогнал его и, опустив поводья, налег сапогами на бока и перемахнул низкую поскотину в том месте, где одной жерди не хватало.

Волнистая площадь хлебов шла вверх косо и кончалась, как казалось Егору, у самого неба. Сейчас он видел только хлеб со всех сторон, и сама рёлка под ясной и спокойной голубизной, как краюха со свежей коркой. Буланый шел крупной рысью и вынес его на гребень. Когда-то вот здесь, на вершине бугра, чуть не задрал медведь Ваську. А до того за несколько лет медведи подходили к поселю. Тут же дед однажды встретил лося, и считалось, что до гребня, вот до этого изгиба, далеко. А теперь лес вырубился, и оказалось, что все близко. Пашня Егора дотянулась до звериных заповедников.

Накатанная колесами дорога пошла в лес, настоящая дорога, и ездят на ней на телегах, а не на волокушах, как в первые годы. По этой дороге привозят с заимок хлеб, с лугов – сено, а из леса – дрова. Колесная дорога невелика, проложена до заимок, но все же есть она! Заведена настоящая езда на колесах! А через речку Додьгу и через ее рукава переправляются вброд.

За речкой, как американский фермер, своим хутором живет китаец Александр с женой, приемный сын Егора. Стала видна его далекая желтая соломенная крыша.

Все закрыл и поплыл над Егором густой лес, душистая листва, какой он давно не видал. Все тут устроено ладно, прочно, удобно, на коне ехать хорошо, привычно. Все свое, не то что в лодке по горной струе. А вот, наверное, потянет же туда...

Конь с лохматой гривой захлюпал мохнатыми ногами по зеленой грязи. На обочине дороги рослый белоголовник и медвежьи дудки хватали конному по плечи.

Из-за холма появилась подпрыгивающая девичья голова в платке, сбившемся на плечи. Послышался звонкий цокот подков о камни. Быстро взлетев на вершину, вниз к болоту помчалась верхом девушка.

– Тя-тя-а! – воскликнула она, налетая и осаживая коня, цепко держась за него ногами в башмаках и толстых чулках в красную и черную полоски. – Я услышала гудок...

– Мама как?

– Слава Богу. Я гудок-то услышала...

– Василий где?

– Все на заимке. А бабушка с дедушкой уехали на лодке по ягоды. А парни недавно из тайги.

– С кем Василий?

– Митя Овчинников с ним.

Конь ее захрапел, выбрасывая из-под копыт комья грязи, рванул с места. Она туго тянула повод, воротя его, и он пронесся по болоту малым полукругом.

– Маманя велела... – откидываясь, полуобернулась дочь.

Егор дальше не расслышал, что мать велела.

Настя привстала, поглядывая вдаль.

– Пароход-то простоит? – кричала она.

– А что тебе?

Она не ответила.

Егор тронул поводья. Раз-другой болото издало всасывающие звуки. Конь, грудастый, коренастый, с чуть кривыми, могучими ногами, старательно тряхнул гривой, вынес тяжелого всадника на гать и зачастил копытами по бревнам.

Егор сверху еще раз оглянулся. Дочь уж пролетела через лес и мчалась по дороге среди хлебов. Известно, зачем повадился ездить Митя. Свататься хочет. За семьей Овчинниковых недобрая слава. Но чем же парень виноват? Отец его Санка – родной брат Котя...

На заимке нет изгороди. Жена Наталья стоит у зимовья. Муж слез с коня.

– Как барин! – сказала Наталья. – Откуда такой? – Она подошла, вытерла руки о фартук. – Грязью-то не запачкать бы тебя...

Егор чувствует женин упрек. Да, долго он протаскался.

– Знала бы ты!

– Руки-ноги целы?

В зимовье было пусто и варился корм скоту. Егор присел на лавку. Никогда Наталья не казалась ему такой пригожей. В знакомых, спокойных движениях ее угадывалась сила, здоровье.

Улыбка ее ласковая. Глаза бойки, и в них знакомый свет ее доброй души. Егору кажется, что сам он пьян и она нетрезва.

А Наталья исстрадалась, измучилась, не зная, что думать, случая не бывало, чтобы он к назначенной поре не вернулся.

«Но что с ним? Явился легкий, как парень, помолодевший, лицо почернело, морщин нет, сам жесткий, крепкий, силы, казалось, прибавилось, как крылья его несут». Это ощущение невольно передалось ей. Она насторожилась, словно была у счастья, в которое боялась поверить. Егор не все рассказал. Он вышел.

За зимовьем расставлены два полога накомарника из редкой покупной бязи. Кто-то зашевелился под крайним.

Вдали за речкой верхом на кляче плелся Сашка. Он в шляпе и с мотыгой на плече.

– А кто приехал? – раздался из-под полога голос Василия.

– Они ночь зря прокараулили, – пояснила Наталья.

– Это ты, отец?

Из-под полога живо вылез Василий. За ним появился Митя.

– Ночь не спали! – сказал он, как бы оправдываясь. – Лосей ждали...

Отец всегда заставлял его не вовремя, когда он ленился или читал.

– Они в табуны собираются, идут за хребет, на теплый ветер, – сказал Митя.

Егор знал, что паренек этот смирный, но за словом в карман не полезет. По его словам выходило, что табуны скоро вернутся, надо обождать.

– А где же наши? – садясь в зимовье к столу, спросил Егор.

– По ягоды поехали. Дедушка и Федор. Взяли с собой собак... Петрован пошел, говорит, на миссионерский стан. Народ там к празднику наехал... А молодой-то поп Алексей не любит нашего рыжего попа. А ученик его... Характер все выказывает.

– Два зверя в одной берлоге! – ответил Егор.

Он вспомнил, каким лихим охотником когда-то был Алешка. Родился он в гольдской деревне Мылки. Рыжий поп его дурачил и обирал, но выучил грамоте. Стал Айдамбо теперь отцом Алексеем, закончил духовное училище в Благовещенске. А Дельдику, которую когда-то отнял Егор у китайцев, вырвал из рабства, стала попадшей.

– А зачем Настя домой поехала?

– Сама захотела.

– В церковь ее не загонишь...

– Полюбоваться пароходом... Пусть ее... Новые чулки купила, башмаки на баркасе...

Пусть погуляет! Ты на «Ермаке»?

– На «Ермаке».

– У нее на «Ермаке» знакомые.

«Кто бы?» – подумал Егор.

– А я нашел россыпь... Самородки...

Наталья стояла как зачарованная.

– Тебя это разожгло. Я не узнала. Думала, чужой.

Странно посмотрел на нее Егор. Взгляд его был угрюмый и далекий.

Ночью долго не спали.

– Страх брал за тебя. Не пропал бы...

Стали говорить, что хлеб почти созрел, что лето нынче знойное, не бывало такого. Егор сказал жене, что лучше бы это золото не мыть, жить как жили, не рушить старого.

– А тебя тянет туда?

Наталья спросила и замолкла. Егор, не видя ее в темноте, знал, что она нахмурилась, насторожилась, словно шла угроза.

– Не мыть? – спросил он.

– Как это не мыть! – ответила Наталья. Она, казалось, читала его мысли. – Что же мы за люди, если себе не поверим, – подтвердила она шепотом.

Егор разговорился.

Выступила белая печка и полотенца на бревенчатых стенах, стояли как белые тени. Блеснул оклад небольшой иконы, другая кровать, где спал младший сын Алексей.

– Боже ты мой! – приподнялась Наталья. – А если бы попал в тебя! Сердце мое не зря болело! Что же это за копна сена? Спасся за ней?

– Нет, это было не сено. А натрясло траву на лесину... в развилках-то...

Утром, когда семья уселась за уху, послышался стук копыт о гальку и воду. Сашка-китаец спрыгнул с кобылы и, сняв шляпу, пошел к зимовью, присаживаясь, словно нес на себе куль.

Глава 6

Тимоха Силин, моргая, уставился на Улугушку, который, сидя у тычин с горохом, пытался приладить отпавшуюся дужку чайника. Мужик сдвинул картуз на лоб и стал почесывать шею. Улугушке показалось, что гость подсмеивается. Он встал, размахнулся и швырнул чайник так, что тот загремел и покатился по траве.

Улугу сорвал немного стручков гороха, дал гостю горсть и сам стал жевать.

– Раньше в котле кипятили... Лучше было! – сказал он.

– Конечно, разве можно сравнить! Котел чугунный! А этих чайников ты можешь хоть нынче купить дюжину.

– Конечно! – ответил Улугу. – Такая дрянь.

– У нас на Урале кунганы чугунные делают, можешь заказать, и тебе выпишут по почте от фирмы и привезут... Поклоняться еще! Знаешь, за деньги все можно. Народ продажный... И теперь дель продают для неводов. Ох, крепкая!

– А у тебя табак есть? – спросил Улугу.

Мужик протянул приятелю толстый кисет.

– Табак можешь брать тюками.

– А водки?

– Про водку что говорить... Галдафу без ханшина не оставит. Нальет тебя каждый день хоть до ушей.

– Конесно! – ответил Улугу. – Это бы сцятье!

– Лодку новую ты хотел купить?

– До рыбалки есть еще время, старую починю. А то попы заставят на них рыбачить: дырявая лодка лучше.

Вдали, под ровным еловым лесом, поблескивали маковки церкви, звонницы и железная крыша школьного пансиона.

– Зачем тебе старая лодка, купи себе самую лучшую!

– Черт не знает! – Улугу покорябал голову и посмотрел в глаза гостю.

Все эти разговоры начинали его занимать. Улугу смелый, удалой и предприимчивый человек.

– Поедем к Егору, если мне не веришь. Егор еще не врал и не обманывал никогда.

Улугу пошел к берестяному балагану. Вышла его жена, одетая в шелковый новенький халат с вышивкой и в желтые обутки с загнутыми носами.

Улугу зашел в летник, надел короткий халат, перепоясался, сунул за пазуху нужные вещи и трубку, надел шляпу и, не прощаясь с женой, пошел на берег. Потом он вернулся, через некоторое время что-то загремело. Улугу пришел запыхавшись, сел в лодку.

– Ты не в бабу ли чайником запустил? – спросил Тимоха.

– Куда держишь? – заорал Улугу на мужика. Гольд поднял со дна лодки кормовое весло и стал править. – Че, не умеешь грести, так не берись!

Вечером при свете керосиновой лампы мужик и Улугу ужинали в избе Силиных.

– Теперь веришь?

– Да. А когда ты хочешь идти?.

– В воскресенье.

– Надолго?

– На все лето. До ледостава.

Улугу наморщил лоб. Он быстро спросил:

– А рыбалка? А тебе хлеб надо убирать?

– Какой хлеб? Какая рыбалка? У меня сын взрослый... А Фекла зачем? Я ее держу строже, чем ты свою...

– Ну, ну, не вянькай, – отозвалась откуда-то из полутьмы жена.

– Ты-ы, кляча! – отвечал муж. – Егор еще всего не скажет. Мы сами проверим. Он привез мешок, как картошка самородки. А есть как тыква. Этого он не покажет, хоть и честный... А есть как тыква. Ну, немного меньше... Слышал, Егор сам говорит – поезжайте, а то чужие туда все равно нагрянут.

– И не рыбачить?

– Ты же хозяин! Молодые парни наловят для тебя. Вернешься, водкой их угостишь, и они удовольствуются. Ты же их произвел, а они ленятся.

– А огород?

– Ну, на черта тебе огород? Это все Егор справедливостью хвалится, его выдумки. Да я бы на твоём месте вообще кинул бы его.

– Ладно... Завтра поедем! – сказала Улугу.

– У меня лоток есть и бутарка разборная есть, и мы все возьмем.

– Нет, слушай, завтра я не успею. А че-то не понял, на какой речке. Ты узнай еще раз.

– Я доведу тебя. Я там бывал, однако, и место знаю. Я еще не подводил товарищей.

Егор и сам не знал названия речки, и Тимоха не знал. Улугу немного подумал. Жаль, конечно, что сам Егор не идет. Он подобрел, чувствуя, что дело стоящее.

– Ладно! – сказал гольд.

– Ден пять, самое большее – шесть, и дойдем...

– А как название речки?

– Ну, поверь мне... Я уж сколько раз сам спрашивал. Егор мне рисовал, как пройти, он же экспедицию водил. Да зачем тебе название? Я сказал – не ошибусь.

– Завтра не успеем, – сказал Улугу, подумав. – Давай день собираться, а послезавтра поплывем...

Улугу решил, что открыватели не хотят говорить ему название речки, чтобы он не проболтался. Улугу это даже понравилось.

За день ни Улугу, ни Тимоха сборов не закончили.

На третий день Улугу остался ночевать у Силиных. На рассвете, укладывая мясо и хлеб в мешок, Фекла вдруг так разревелась, что в испуге вскочили все дети, и старший сын прыгнул с полатей.

– Эх, уж... – перевел он дух. – Вы-и... – Ему показалось, что родители ссорятся.

– Хлеба-то, – плакала Фекла.

– Ты помни, как я велел! – грозно сказал Тимоха.

– Будто я раньше без тебя не справлялась! Какой толк-то от тебя! – сквозь слезы говорила женщина. – Иди уж на свой прииск...

В предрассветном сумерке из серого дома вышли двое в серой одежде, с серыми лицами и с серыми мешками на плечах. Высокая женщина в платке долго провожала взглядом их лодку.

Ветер дул снизу, и волны шли злые и шумные и обламывали пласты глины на островах, когда на пятый день своего плаванья путники, натянув палатку, отогревались и сушились на берегу узкой протоки. На едва утоптанную и местами вырванную траву постелили сухие шкуры.

– Эта речка? – спрашивал Улугу.

– Наша?

– Да.

– Где?

– Во-он, где кедрач... Вон сопочка на устье.

– Нет, не эта...

Улугу удивлялся.

Не бывало случаев, чтобы кто-нибудь из мужиков показывал ему дорогу. Всегда Улугу сам всех водил. А на этот раз все получилось наоборот.

Два дня жили на острове среди мокрой, почти непроходимой травы. Ветер рвал листья с тальниковых деревьев, гнул мокрую чашу колосистых трав, бил по палатке дождем. Улугу и Тимошка не могли развести костра, не могли при такой буре наловить рыбы. Грязные волны гулко били в берег, и пена их закипала сплошь. Палатка очень маленькая, на острове березы нет, нельзя надрать бересты, чтобы сделать балаган и укрыться.

Путники, сидя на корточках, на маленьком сухом пространстве, на сохачьих шкурах, драли и грызли сухую юколу с сухарями. Продрогнув до костей, разводили маленький огонек в палатке, курили трубки, собаки жались к хозяевам. Дым ел глаза людей и собак. В такой шторм нечего и думать о том, чтобы уплыть куда-нибудь или перебраться на другое место. Не хотелось даже разговаривать.

Ложились на шкуры, прижавшись друг к другу. Собаки сразу радовались, укладываясь по краям. Ночью начало рвать палатку, лопнула веревка, поднялось полотнище, и вмиг ливнем залило все. Едва успели схватить край палатки. Двойное полотнище стало промокать. Волны подбегали все ближе, вода в реке прибывала. В кромешной тьме перетащили лодку поближе к палатке. Видели только, как зловещая белизна бурунов забегает теперь в самые тальники.

Лечь на мокрые шкуры нельзя. Спали сидя. Улугушка все курил и грел руки о трубку.

После затяжки засыпал ненадолго, потом начинал дрожать, с трудом просыпался, высекал огонек, подносил его к трубке и снова засыпал. Вдруг он страшно закричал и схватил спавшего на корточках Тимоху за горло.

– Отдай! Куда берешь?

Силин схватил его за руки, обезумев от страха.

– Что с тобой?

– Ты кремьень зачем бросил? – спросил Улугушка, глядя мутно и зло. – Мы умрем...

– Я не трогал твоего кремья.

– Как ты не трогал? – Улугушка быстро, как человек, которого только что обворовали, ощупал себя, запустил руку за пазуху, тронул пояс. Все, что надо для высекания огня, было на месте.

– Дурак ты, сумасшедший! Дикарь! Чего тебе мерещится! Вот гляди, и спички у меня целы и сухие. Я же знаю, что такое без огня...

Тимоха показал железную коробку, где он хранил сернички.

– И огниво и трут – все есть.

«Он так еще ополоумееет и хватит меня когда-нибудь топором по башке! – подумал Силин. – Господи...»

– А где топор у тебя?

– Зачем тебе топор? – испугавшись, спросил Улугу.

Через некоторое время Силин толкнул его в плечо.

– Ты че?

– Че! А ты и меня напугал! Я теперь уснуть не могу... Слышишь, ветер стихает. Буря, наверное, кончается. Поэтому ты крепко и уснул и тебе во сне представилось.

Улугу все же казалось, что кто-то хотел выбросить его мешочек. На этот счет он знал многое такое, чего русский знать не мог. А если ему скажешь, то он будет насмехаться.

– Не спи, я тебе говорю, – снова толкнул его мужик.

– А че не спи?

– А тебе примерещится, ты потом меня...

Но Улугу так хотелось спать, что он свалился на мокрую шкуру и сразу захрапел. Одежда его намокла.

Утром ветер разогнал тучи, река была грязно-желтой, цвета разведенной глины для обмазки. Приятели обрадовались, решили ехать. Волны показались им маленькими. Но едва отошли от берега, как сильным ударом окатило их.

Лишь на другой день, высушившись и подкрепившись горячей ухой, добрались они до гладкого лугового острова, на котором не было ни единого куста и лесины. С лодки из-за острова при большой воде видна стала деревня Утес.

– Вот теперь пройдем это село и с левой руки будет протока. По ней идти до озера. Туда впадает речка. На ней Егор нашел золото.

Серые глаза Улугу, казалось, почернели от злости. Силин заметил, что другу что-то сильно не понравилось. Улугу ничего не сказал, но ему хотелось кричать, ругаться матерно, плевать в лицо мужику. Теперь бы он хватил его без жалости по голове. Но Улугу молчал, и это молчание было как пробка на пиве. Стоит чуть сдвинуть, как все прорвется.

Улугу направил лодку к берегу.

– Ты что? – удивился Силин.

– Я дальше не поеду.

– Почему? Что это ты? Окстись... Закури, хоть успокойся маненько...

Улугу взял у мужика его кисет, но, подумав, вдруг размахнулся и хлестнул им Тимоху по лицу.

– Ты что дерешься? Ты в уме? – испугался Тимоха. Его знобило, как в лихорадке.

– Иди к черту! – заорал Улугу. – Куда ты поехал! Это речка не Ух! Я думал, ты на речку Ух идешь!.. Это не Ух, а речка Уй или Хурх! Это по-гиляцки речка Хурх! Есть такой гиляк, его зовут Хурх. Он сюда ходил... И так называли! Это, ой, худая речка. То она есть, то ее нет!.. Да! Это плохая речка, на нее нельзя подыматься в такой лодке. Надо четыре человека с шестами и надо не плоскодонку, а бат. На ней нет селений, никто там жить не хочет. Тьфу! Дурак! Дурак! – Улугу махнул рукой, отошел и присел на корточки, набивая трубку собственным маньчжурским табаком.

Силин подошел к нему скрепя сердце, постарался заговорить ласково. Но как ни просил Тимоха, как ни умолял, ни сердился, как ни сулил выгоды, Улугу отказался идти с ним на речку Уй наотрез.

– А ты прежде знал, что на этой речке золото?

– Нет, не знал. Если золото, так туда большой компанией надо идти. Это не ключ, а речка. На такую речку вдвоем не ходят. Там десять ден идти за перекааты надо, если вчетвером. А вдвоем – месяц! Ты сам говорил, Егор выше перекаатов взял золото. Туда надо груз таскать...

Горько и стыдно стало Тимошке. Прожив столько лет здесь, оказался он бессильным, неумелым, как в первый год на новой земле.

– Пойдем в деревню и возьмем там продуктов. Мука у нас есть на месяц. Вон крышу видно на той стороне, это новая деревня Утес... Там еще возьмем на деньги.

Тимоха пошел к лодке. Улугу, казалось бы, покорно ступил через борт. Оттолкнувшись от берега, он сказал:

– Я там вылезу, за сопкой живут гиляки, я возьму лодку и пойду домой. А ты делай, чего хочешь...

– Ты что же, сволочь ты этакая, товарища в беде бросаешь? – не выдержал Тимошка. Мокрая от пота борода его свалилась клочьями, и глаза, как маленькие колючки или серебряные пятикопеечники с гербами надвинулись к лицу Улугу.

Силин вдруг обернулся и схватил весло.

– Убью тебя, заразу!

– Я сам тебя убью, дурак! – закричал Улугу, замахиваясь правилом.

Силин ударил, но Улугу ловко подставил свое весло. Из рук мужика упал в воду обломок весла, он ткнулся ко второму веслу, но Улугу вышиб его прежде, чем Силин успел замахнуться.

– Ты че, в уме? Куда мы с тобой без весел? – обиженно спросил Силин, которого безумная решимость спутника привела в себя.

– Ни черта! – ответил Улугу.

Течение пронесло их мимо Утеса. Пристали за сопкой к стойбищу и ночевали у гиляков. Тимоха купил два весла, и на другой день примиренные друзья пустились обратно.

Через два дня, с попутным ветром подымаясь вверх по реке, достигли острова, на котором жили двое суток в непогоду.

Нашли огнище от своего костра, место, где стояла палатка, порубленные тальники, истоптанная трава еще не поднялась как следует.

– Ты бы мне раньше сказал, какая речка, – говорил у костра Улугу. – Вот здесь есть протока, и дальше есть еще озеро, а с него есть переволок на речку Уй. Близко. Наверное, десять верст, и как раз попадешь на перекааты. А если идти от устья, то на такой лодке до них вдвоем надо полмесяца.

– Слушай, так, может, и пойдем здесь?

– Нет...

Утром Силин сказал:

– Знаешь, будь хорошим товарищем, покажи мне тропу, и я пойду один.

– А продукты?

– Продукты оставлю в тайге, вместе их зароем. А сколько могу, утащу на себе...

– Нет... Так не пойдет. Поедем вместе в деревню, тут недалеко живет мой дядя... Только про золото ему не говори, дядя хороший, но из-за золота убьет или утопить может.

В деревне купили Тимохе берестяную лодку, объяснив, что хотят по дороге охотиться на сохатых и бесшумно к ним подходить. Улугу проводил Силин к ключу, по которому можно подняться на низкий перевал.

Путь оказался короче, чем предполагал Силин, и в тот же день к вечеру глаза его увидели бурную реку, мчавшуюся к каменным перекатам. Тимоха спустил лодку и переправился на левый берег реки.

У Тимохи был в мешке с собой человеческий череп. Он нашел его нынче летом у себя на огороде. Чтобы припугнуть всякого, кто осмелился бы сюда приблизиться, Силин обломал мертвую талину и на белый ствол ее повесил череп. Следа не оставляя, прошел по воде и поднялся к месту ночлега. Там в чаще на берегу озера величиной с лужу разбил палатку.

А Улугу плыл домой под парусом и думал: «Какие мужики жадные! Как золото любят! Плюешь им в морду и бьешь их веслом по башке, они все терпят, когда им важно только бы дорогу узнать, как до золота добраться! Вот какой лоча! Верно старики про них говорят, что они амба-лоча!»

Глава 7

«Вот где я никогда не был. А говорят, мол, ты, Тимоха, не таежник! А я наконец до тайги добрался! Если тут и сдохну, то не жалко, все же я проник туда, где еще никто не бывал. Найдут мои кости и скажут: “Кто это?” – “Это Силин сюда первый проник”. Ага, твари!»

Дикая, пустынная река. Ни единого следа на песках, ни пепелища, ни остатка балагана.

Временами казалось Тимошке, что он очутился на другом свете. Пески, тальники, рукава речки. «Куда несет, туда пусть и несет – не надо бояться!» – утешал он себя.

Густые кустарники, дернины, нависшие над потоком, стремительное течение, выющиеся растения, пышные цветы шиповника, величиной с красную тарелку, каких Тимоха никогда не видал, всюду разные ягоды поспели. А деревья такие, что ломит шею, если на них глядеть, и валится шапка, приходится поддерживать.

«В тайге тут никто не был, никто ее не топтал. Хотя бы тропка! Егор не на этой реке был. Улугушка правильно толкует, что его река и моя река сольются ниже».

А запасы продуктов у Тимохи в мешке заканчивались. Силин всегда старался держаться людей; в одиночестве он начинал тосковать, падал духом.

«А речке в самом деле конца нет! Будь оно неладно!»

Там, где остался его первый стан, удалось намыть сразу рублей на пятьдесят. «Это, конечно, богатство! Ну, а теперь как попасть домой? А она меня несет бог знает куда. Недаром Улугушка не хотел сюда идти, и Егор предупреждал. Но был же он где-то здесь, заходили другие, значит, даст бог, и я жив останусь».

У Тимохи прежде часто не хватало настойчивости, если попадалось трудное дело. Иное, когда работал он с товарищами, с соседями. Тимоха мог работать сколько угодно и без усталости. Еще смолodu отец говорил ему: «Надо тебе поступить работником в богатый дом, где хозяин всегда бы назначил, что надо сделать». Тимоха не жалел бы себя для хорошего хозяина. Он этого и хотел, да как-то не сговорился ни с одним из хозяев, не попал в работники. А понесло Тимоху на молочные реки! Вот теперь прижился на новом месте, и все стало укрепляться в своем хозяйстве, и пустил он корень. И опять потянуло, на этот раз в неведомую тайгу.

Силин старался править веслом, как его учили гольды.

«Завтра, если не доберусь до устья, то останусь без сухарей. Улугу говорил, что речка большими кривунами идет в Амур, снизу на бате подниматься за пороги десять дней. Это сто верст. За два дня должно снести меня течение. Я ему не поверил. И сейчас не верю. Если такая быстрая река, то обратно за два дня пройдешь, если туда – десять. Да, какой два – день, не больше!»

Тимоха повеселел, но тут его так стукнуло корягой по голове, что он чуть не повалился. Повел по лбу – все в крови, ухо тоже разбито, оглянулся, а впереди уже мчится новый навес из мертвых деревьев. Надо с лодкой под него нырять. «А что там? Водопад? Скала? Ах, мать честная!» Еле выгреб к берегу и осмотрелся. «Пески взять на пробу?» Он знал, что на быстрине редко попадаетея золото.

«Но ведь Егор vyplыл? Вынесет и меня. Только может быть, что это все еще другая речка. Что же тогда?»

Тимоха поймал линька. Рыба с сухарем и густой чай – славный ужин.

Утром река, разбиваясь на рукава, опять зашумела на перекате. Долина ее была стеснена, углы утесов высились из-за пойм и островов. В русле виднелись остатки скал и большие камни.

Перекат Тимоха обошел по тихому руслу, но едва вышел из него на стремнину, как течение с силой, толчками подхватило его лодку и понесло. Река ревела и грохотала, волнами вздымаясь над закрытыми водой камнями. Оморочка ударила дном о шивер, еще один камень цапнул ее, зелень берега, мерцающее галечниковое дно понеслись со страшной быстротой.

«А ну, ни черта! – вдруг осмелел Тимоха и направил лодку в самую пену. – Что-то получится!»

Раздался удар. Острый камень пропорол бересту, вода залилась в лодку. Тимоха успел перебросить на островок ружье и мешок. Течение сбивало его с ног. Стоило шагнуть, как остушился в выбоину каменистого ложа, его потащило, ударило о корягу, сбilo с ног.

«Вот когда начало меня мутить!» – подумал мужик.

Острые камни рвали его одежду. Его катило по дну, и вскоре он на карачках очутился на камне. Оморочка его зацепилась за дерево с утонувшими корнями, лежавшими против течения между камней.

Тимоха добрал до островка, взял мешок и стал искать брод к берегу. Стало глубже. Тимоха захватил мешок зубами и с решимостью рванулся вперед, оттолкнулся от дна и ухватился руками за громадную ветвь ободранной лиственницы, пролегшей с берега на остров над глубокой водой.

По ветке Тимоха вскарабкался на ствол и огляделся. Его оморочку сорвало водой с дерева, унесло к завалу колодника. Она билась, но под колодник с течением не шла, держась, как поплавок.

Тимоха перебрался на берег и развязал мешок. Все промокло, но сухари высушить можно. Кремень и огниво с собой и спички в поясе, в железной коробке – сухие.

«Слава Богу! Русский человек не пропадет... Меня на какое болото ни кинь – я проживу! Ладно, жить можно!»

По колоднику перебрался к своей оморочке, наклонился, но не мог ее ухватить. Зацепился ногой за сук и головой вниз спустился к самой воде, достал руками оморочку и, бродя ими в ледяной воде, нашел в закрытом носу топор. Отнес его на сухое место, а потом вытащил оморочку на колодник. Перегнал ее пониже и вытащил на пески, где кончился перекат. Оморочка вся разорвана и разбита. Без иглы не починишь, да и нечем ее зашивать.

Верно говорил Иван Бердышов, что на перекатах надо вылезать на берег и тащить лодку или нести оморочку на руках. «Умный Иван! Ума – палата! Купец! Все знает! Но ведь колодник скопляется каждый год в новом месте. Пока его увидишь – уже налетел, выскакивай на бревна и сам еще угадаешь тут же под низ, тогда до свидания! Мне еще ладно обошлось. Слава Богу! Как большая вода, так лес ломает и несет. Нынче вода была такая, что в прибрежных деревьях висят выворотни, принесенные течением».

Тимоха снял шапку и помолился. Потом, еще не зная, как ему быть и что делать, прошелся по отмели, подле которой гладко и красиво бежала река. Только сейчас начал он чувствовать, что случилась большая беда. Спасаю, а что дальше?

На одном из камней, выступивших из воды, увидел он что-то желтое.

Тимоха плюнул и с презрением пошел за своим мешком; надо вынуть и разложить сухари, пока жаркое солнце. Он помнил, что у него в мешке свое золото, рублей на пятьдесят по самой дешевой цене. За это золото он еще поторгует с баркасниками, со скупщиками, с живодерами и со спиртоносами. Все Тимохе поклонятся, заразы! Только бы живым добраться!

Тимоха высушил одежду, сухари, крупу. Мошка слетелась, и он, голый, обмывшись в ледяном ключе, жался под защиту дыма от костра из гнилушек, но и там комары и мошка кусали его жестоко. Желтый камень вспомнился ему и не выходил из головы. Он как врзался ему в мозг. Это не зря...

«А вон след от костра, затеска на дереве... Это Егор тут мыл, его тут место!»

Тимоха зарядил ружье, выпалил в одну сторону, потом – в другую, целясь в лес.

Но, выстрелив, он вдруг почувствовал, что перепугал этим сам себя. Надо было собраться с духом. Мошка опять накинулась на него, как по команде, и живо привела в чувство.

«А ну, схожу, чем черт не шутит, вдруг золото. Конечно, я знаю, что – нет, но все равно, делать нечего! А то потом буду думать, что проворонил...»

Мужик вдруг все бросил и бегом пустился по пескам. Он подрубил высокую березу, очистил вершину, чтобы сучья не сбили желтого камня, и повалил ее. Она со всеми ветвями легла близ камня. Вырубил шест и, опираясь на него, осторожно пошел по стволу. Солнце блеснуло на желтом камне, как на полированном. От волнения он бросил шест и, как белка, полез через ветви. Добрался по стволу до самого камня, протянул руку. Билось течение, дрожала и билась береза, и Тимошку била лихорадка. «Вот и говорят “золотая лихорадка”, – подумал он. – Ребятишки в деревне теперь грамотеи, прочитали и про “золотую лихорадку” где-то в Калифорнии!»

«Анафемский род!» Тимоха свалился с березы и теперь висел под ней, держась руками и ногами, спиной к ледяному потоку. Березу как раз подвело течением к шиверу, и Тимоха успел взять камень. Он очень холодный.

«А ну как я бы его уронил!»

Сам не помня себя, как бы на трех ногах, Тимоха, как зверь, шагал по стволу и чуть не свалился в воду. Он вылез на песок. «Значит, на этой реке никто не жил и от сотворения мира никто, кроме Егора и гиляков, на ней не бывал». Мужик перекрестил находку.

Долго он рассматривал самородок. Сходил к реке, умылся холодной водой.

«Нет, кажется, все верно! Егор открыл “золотую долину”... «Ну, Тимоха, теперь не дрогни!» – с яростью думал мужик.

Он взял свой ковш и стал мыть тут же, на отмели. В каждом ковше после промывания оставались значки.

«Быть не может, что все это золото! Кусок золота, тут золотников... Лежит на камне! Дьявол положил! Неправда! Этого нет! Поп сам не верит!»

Егор не солгал. Через полчаса и Тимоха нашел гнездо бобов из золота. Подумалось: «Егоровы бобы-то!»

Ночью Тимоха бредил, просыпался и хватался за топор. Утром он снова мыл и опять нашел гнездо знаков. Мужик в ужасе сознавал, какое чудовищное богатство ему идет.

По скале шла жила с проблесками золота. «Рудное кругом золото! И почему так люди за ним охотятся, такая же руда, а подай каждому, увидят и как сбесятся, и я вот ополоумел!»

Тимошка пал духом. Теперь он понял, почему Егор вернулся отсюда такой невеселый. Он не в силах был придумать, что можно сделать, как взять хотя бы часть этого богатства.

«И даже выпить нельзя! Пьяному как-то легче придумать! Золото есть, а выпить на него не могу. Какая-то издевка! Нет, царь наш несправедливый! Это он виноват! – с горечью подумал Силин. – Может, так и погибну с этим золотом... Куда эта речка идет? Не хватит сухарей... С голоду подохнешь, а золото останется, и кинуть такой прииск жалко, кто-нибудь другой откроет. Теперь уже все знают, Улугушка разболтал, и Егор по дурацкой своей справедливости врать не врет и правду толком сказать боится, а всех возмутил, и скоро сюда попадут хищники. Надо успевать!.. Хоть сколько-нибудь еще набрать, пока силы есть. Знать бы, далеко ли я от Амура?»

Теперь золото огорчало мужика, повергало в страх, в смятение. Он сидел у костра и, схватившись за бороду, глядел на грудку самородков.

«Ну, что бы ни было, мыть и мыть буду, все равно, пусть сдохну, а намою! С золотом, наверное, сдыхать как-то легче, не даром пропадешь».

Тимошка до поздней ночи мыл. Он доработался до того, что ленился выбирать в ковше мелкие крупички, а хватал лишь значки.

«А может, это не золото? Я выйду на реку, а меня засмеют. Сухарей нет. Сожрал последний. Кто бы привез, дал бы за один сухарь десять золотников!»

Комары, мошка изъели лицо и руки. Глаза опухли от укусов, за ушами все изъедено в кровь.

Вечером жарил рябчика и все время ждал, что из темноты прилетит пуля. А сухарей больше не было.

– Э-эй! – заорал Тимоха.

Никогда раньше не боялся Силин, что кто-то вздумает стрелять в него.

«Самому начать отстреливаться опять? Вон кто-то идет или стоит? Кто это? Стрелить его, заразу?»

Тимоха схватил ружье, приложился и выпалил. Черная фигура стояла на месте. Тимоха пошел посмотреть. Это коряги. «Как я ее днем не видел? Вот бывают такие чудеса! Являются человеку! Еще Иван про это говорил».

Ночью снились золотые стручки, горох, баба хлеб пекла. Утром было как-то противно, сам голодный и словно натошак объелся золота, самородками набились голова, брюхо, тошнит. Все время думаешь о богатстве, оно давит, противно. Золото ворвалось в его трудовую жизнь, переменяло весь ход дум и чувств. Помнились, но как-то смутно, дети, дом. Казалось, золотые комья лезут у него из носу и из глаз. «Сбесился я! С ума сошел. Готово! Лихорадка золотая началась! Вот она!»

Тимошка еще немного помыл нехотя. Жадности уже не стало. «Пусть это золото остается, кому себя не жалко! А мне теперь что золото, что песок!»

Последний самородочек он не взял, пнул его ногой обратно в воду.

...Тимоха вырубил несколько сухих деревьев, связал их тальниковой корой. Вернулся, нашел в воде откинутый пинком самородок, сложил золото в мешочки.

Река вынесла его к вечеру на какую-то протоку, а к ночи он увидел огонек вдали. Пришлось грести. Тальниковые рощи стали во тьме выше.

Тимошка пожалел, что не делал заметок, засечек, не занял место, кинул прииск прежде времени, как ненужный, перепугался чего-то, словно с девкой загулял, а жены струхал и дело до конца не довел. А теперь жалко. «Ну не беда, я свое возьму! Я пойду с Егором, он же справедливой жизни ищет и у меня мое не отберет. Хотя он засечки-то сделал, говорит, место остолбил. А я только череп поставил, чтобы припугнуть, да не там, где надо! А Егор глупости говорит: “Мы, бедные, жили честно! Как будем жить богатые? Мы богатство добыли трудом, как мы с ним сумеем обойтись?” Каким трудом? Глупости это, я раз плюнул и набрал, только неделю голодал и смерти от неизвестности боялся и думал, что меня из темноты застрелят. И все! Вот теперь я гульну. Я им всем покажу, как надо гулять, богаделкам!»

Вечером Тимоха опять отстреливался от коряг и выворотней. А утром пожалел, что много пороха зря истратил. Он сел на плот и немного отплыл, увидал крыши.

– Кто у вас тут всех покрепче? – весело спросил Тимоха стоявшего под обрывом одинокого парня в новом картузе.

– Курносов хорошо живет, только болеет нынче, заразная какая-то... Никита Жеребцов торгует. Враз обуе и оденет! Кажись, дома...

Оборванный Тимошка закинул мешок за спину и пошел.

– Тятя, к вам пришли! – сказал парень в картузе, заглядывая в какую-то амбарушку.

Через открытую дверь видны были куски материи на полках и большая куча лыковых веревок на земляном полу. Лыко сушилось на низкой крыше амбарчика и висело на стенах.

Вылез хозяин. Тимошку даже малость покорило, что попал он к этакому волосатому чудовищу.

– Ночевать можно у тебя?

Жеребцов взглядом смерил гостя с ног до головы. «Еще один оттуда же! – подумал он. – Гостенек!»

Мужичок хотя и оборван, но держится бодро. Разговаривает без подобострастия. Картуз, одежда и борода перепачканы глиной. Жеребцов давно приметил плывущего мужика и послал

сына на берег, чтобы перехватил возможного покупателя. «С добычей, – решил он, – и не с малой!»

– Ночевку по себе сыщи, – ответил Жеребцов.

– А ну, открой свой магазин!

– Перминский, што ль? – спросил Жеребцов.

– С Уральского.

– Слышать по разговору! – Жеребцов быстро положил лыко на скамеечку. – Милости прошу!

Ему хотелось знать, откуда один за другим выходят уральские старатели. Окает гость, не врет, в самом деле уральский. По разговору лучше, чем по паспорту, человека узнаешь.

– Своего как не принять! Дальний, а все сосед, родной!

Никита так сердечно сказал, что Силин даже пожалел его. Страшный человечеще, а оказывается – доброта. Но Тимоха не очень доверял.

– А у нас хлеба поспевают поздней, – говорил Жеребцов, вводя гостя в дом.

Тимоха опечалился при упоминании об уборке, и Никита это заметил, догадываясь, что гость его пахарь и чувствует себя виноватым. «Значит, идут они один за другим по следу Кузнецова!»

На подоконнике лежала подозрная труба. Силин знал, что это за штука. Такая была у соседа его уральского торгаша Федьки Барабанова. Он в эту трубу смотрел и узнавал, работают или нет у него на покосе батраки – беглые каторжные, а те потом удивлялись только, откуда хозяин все знает.

Но сейчас не покос. А на островах хлеб не сеют и не жнут. Не его ли он выглядывал? Дом у Жеребцова над обрывом, высоко над рекой.

– Покупателей-то далеко видать на подъезде, – сказал Силин.

Забыл Жеребцов убрать эту трубу, а теперь не решился, не надо подавать вида, что укор гостя попал в цель. Тимоха заметил, как всполошился хозяин.

С золотом в мешке, Тимоха почувствовал себя смелее обычного. Постоянное чувство вины и боязни, которое всю жизнь давило мужика, вдруг исчезло. И это было целым открытием. Он подумал, что, может быть, уж не такая хитрая штука стать умным. Надо только попасть на хорошую жилу и не сплеховать, хапнуть вовремя и не раскидать потом богатства, удержаться. Он вспомнил старую свою присказку: «Богатый и ума прикупит, а бедный – дурак дураком!»

Он приметил, что Никита, кажется, жаден и не прочь унижаться ради выгод... «Только бы мне не перехватить лишнего!» – подумал Силин при виде бутылки с водкой. С непривычки, он понимал, трудно удержаться... Да, может, и не стоит!

– Нет ли у тебя рубах продажных, исподнего... Новые бы брючки! – сказал Силин. – Сапожки тоже...

– Есть, как же! Да закуси еще!

– Нет... Допрежь надо прифорситься. Давай вот прикинь, сколько дашь за такой самородок?

Жеребцов не стал жаться.

«Потеха! – подумал Силин. – Я брал даром, а он дает такие вещи! Новые! Да хоть вдвое бы меньше дал, и то выгода!»

– А вот это видел? – вытащил Тимоха из кармана еще несколько самородков.

Тимоха, кроме покупок, получил еще несколько ассигнаций.

Вытопили баню.

Тимоха пошел мыться и взял с собой мешок с золотом. Он переоделся во все чистое, в новое белье, сапоги и рубаху. Хотелось бы купить пиджак и пальто со шляпой, но такого товара на Утесе не держали.

– Продай свой! – сказал Силин.

– Утонешь в нем.

– Это ничего.

Тимоха смеялся в душе, глядя, как богатый и степенный мужик угождает.

Так было впервые в жизни.

Тимоха подвыпил изрядно, но на все расспросы, где золото, как ехал, как выбирался, отвечал сбивчиво, путал.

Силину отвели отдельную горницу в большом доме.

Утром бородач заглянул в дверь. Все утро Никита сидел на кухне, ожидая пробуждения гостя. «Стукнуть его! Да, ведь это не горбач! Тут живо подымутся мужики, и если не упекут на каторгу, то обойдутся самосудом... Не скроешься!» Он знал, гильяки видели Силина.

Никите казалось, что, не задумываясь, он при случае шлепнул бы этого мужика пулей в спину. А теперь приходилось терпеть и ждать, и как-то выматывать, выуживать из него...

– Свининки тебе? Баранинки? Убоины? Что с утра приготовить? – спрашивал хозяин.

– Парохода нет? – спросил озабоченный Силин.

– Я на телеграфе узнавал, бегали для вашей милости. Нет, и не слышно. И не выходил.

Тимоха жил, попивал водочку, ходил в баню и крепился, чтобы не загулять. Приходили соседи Никиты, их жены. Своими приятелями стали и Котяй, и Курносов. «Пусть я все пропью, – думал Силин, – но хотя бы про Егорово богатство мне не проболтаться!»

Сын Никиты, не снимая картуза, вломился в двери с целой оравой парней.

– Прсят мужики гулянку. Мы сами обезденежели. Может, разрешите? – ласково спрашивал постояльца Никита.

– Разрешаю!

Пароход не шел. А к Тимохе все еще приставали с расспросами, откуда вышел. Обиняки, и намеки, и укоры надоели ему. Он уже не мог вытерпеть больше этой неправды. Все смотрели на него, как на скрягу. Он мысленно поставил себя на место мужиков. Выходило, что им обидно. «Хотя бы я их угощу как следует!»

– Подумаешь! Надо как будто нам скрывать! Нет, не-ет! Мы не таковские, – объявил он. – Мы не только для себя...

Гуляли допоздна. Девки выводили Тимоху плясать. Вся изба притопывала. Какая-то рябая широкая морда мелькала, терлась подле Тимохи.

– И-их... И-и-их! – повизгивали бабы.

– Ах-ах! – прыгал волосатый Жеребцов. – Цветочек!

«Как дьявол!» – подумал Тимоха.

Рябая привела худенькую девушку с толстой косой и с нарумяненными щеками.

– Вот надо бы дочь скорей замуж выдавать! – зашептала она, сидя тесно подле Тимохи.

Тимоха хлопнул девку по плечу, та нагнула голову и деланно улыбнулась исподлобья. Кто-то говорил;

– Че она падчерицу свою привела!

– Она все хочет сбыть ее с рук...

– Счет закрыт, – сказал мрачный с похмелья Жеребцов на другой день перед обедом. – Пойдем щи хлебать, больше денег нет и возни нет! Нагулялись...

– Как это счет закрыт? Хм!.. – выскочил из-под шелкового одеяла Тимоха. – Че уж вечер скоро?

– Кутить бы можно, да надобно подлого металла, – сказал Никита.

Силин вспомнил, что череп еще висит на берегу речки и там есть золото. Но в мешке ничего значительного не оставалось. Самородок, осененный крестным знаменем, исчез, ушел...

«А куда дальше? – подумал Тимоха. – Все туда же! Дорога одна, в те же чужие ящики! Хотя на совесть гульнули!»

Силин подумал, что придется доставать последнее, мелочь. Все лучшее, отложенное из «заветного», он уж прогулял.

«Это еще когда-то, может, найдем мы золото на нашей речке, – полагал Никита, – а тут вот оно само. Сам прииск ко мне приехал... Не сдается гость, да теперь уж мы и сами найдем!»

Тимоха гулял по берегу в красной рубахе и в лакированных сапогах. Впереди с пляской шли бабы и девки, играл гармонист. Носили Тимошку на руках.

– Ты на меня, Котяй, претензию не имай! С тобой делился братски, – басил Никита.

Кто-то ночью стукнул Никиту у ворот, когда он провожал соседей. Метили палкой в голову, а попали скользком, чуть не снесли напрочь ухо. Никита прибежал весь в крови.

Потом стреляли под окном у Котяя и откуда-то со стороны ответили, словно два дома затеяли перестрелку.

Но что было – ни Силин, ни Никита не помнили толком на следующее утро. Баба молчала и что-то тихо выговаривала мужу.

Силин подумал, что, может быть, кто-то из парней мстит за девку.

– Больше не траться. Я тебя теперь угощаю! – говорил Никита. – И то тебе не с чем доехать. Мы тоже братство понимаем и уважаем своих! Тебе надобно явиться к жене с капиталом!

Глава 8

В Уральском первый день уборки выдался сухой и почти безветренный, какие редки на Амуре. В эту пору, случалось, ливни и ветры губили ярицу. Поваленная и залитая проливными дождями, она быстро загнивала, и нечего было собирать. Люди не знали голода лишь благодаря торговцам, привозившим муку из Китая и Благовещенска. Охотно давали в долг с отдачей зимой мехами или деньгами, зная, что за здешними мужиками не пропадет.

Среди хлебов белели окутанные головы мужчин. Осыпая их, как черный дождь, сеяла мошка. К обеду оказалось, что Илья Бормотов перегнал Егора Кузнецова – первого косца в селении. Косили на разных полях, но заметно было, что Илья нынче всех обошел.

Над Егором посмеивались.

Илья пришел довольный и свалился, как мешок, под одинокую березу среди поля, глядя, как жена Дуняша вяжет снопы. Не хотелось вставать и идти обедать. Он даже и не думал кого-то перегонять, тягаться. Это было не в его натуре. Денек веселый, литовка новая, наточенная... Илья как пошел, так, кажется, и духа не перевел, пока солнце не поднялось в обед. Оглянулся – много сделал. Захотелось запрыгать и заскакать от радости, почувствовал, что и жене приятно, радость ее как-то к нему доходила.

Дуня – в плотно повязанном чистейшем легоньком большом платке и белых рукавах, тщательно закрывающих всю руку до кисти от опасного солнца. Все знали его силу. Застегнуты высокие воротники на кофтах.

Дуня, казалось, и не смотрела на удалую косьбу мужа, а лишь, как покорная рабыня, быстро и старательно шаг за шагом двигалась по его следу.

После обеда все уснули. Мать Ильи счищала со стола объедки и кости.

Еще было жарко, и солнце стояло высоко, когда опять все потянулись на поля, медленно и как бы нехотя, еще не размявшись как следует после сладкой истомы.

Косили и убирали и на другой день. Убранные поля стали велики и просторны, как комнаты, из которых вынесли все. Дуня помнила, что когда-то, в первые годы в ее родной Тамбовке, поля были невелики, мужики за день все скашивали.

День еще ярче, и небо глубже. Все спешили, зная, что враз погода может перемениться. Но предвестников нет. Мать Ильи и его тетка не жаловались. Им обычно сводило спины дня за два-три до ненастья; кого-нибудь из стариков простреливало.

На высоком берегу, ступая по желтой стерне своими длинными ногами, красавица Дуняша спокойно и ровно вяжет сноп за снопом.

Дул легкий ветер с реки, было сухо и работалось легко. Дуняша, казалось, не знала усталости в работе, как в девичестве на гулянке.

Вольно на ветерке! Чувствуя свое сильное молодое тело, она гнется и разгибается, как потягивается, особенно когда почувствует, что в нее упрется, недоумевая и помаргивая своими заплывшими глазенками, отстающая от невестки раздобревшая сырая свекровь. «Чему радуешься?» – как бы хочет сказать старуха. Но не скажет.

Когда-то Аксинья души в ней не чаяла. Ей до смерти хотелось, чтобы у сына Ильи жена была красавица.

«Поди-ка попляши вот так! – думает Дуняша, словно дразня старых женщин. – Оба мы с Ильей в поре, в силе. Что же нам мешать?» Отец Дуняши лучший охотник в Тамбовке. Она и в себе чувствует удалую охотничью кровь. «Нам ли с Ильей не жить!»

Тетка Арина сзади шаркает чириками. Она с белыми глазами, лицо щуплое, нос с горбинкой стал под старость еще длинней.

Арина идет вровень с Аксиньей.

Свекровь всегда одинакова, она не злая. Как напуганная всех сторожит, боится всего, всякой перемены, радости, на работе сурова, никому не верит. «Рабы Христовы! – думает Дуняша про отца и дядю мужа, про свекровь Аксиныю и про Арину и про многих еще. – Ничего не видят и не понимают, всего боятся... На старых местах люди – рабы. Ничего не видели, не знали и не знают сейчас и знать не хотят. А разве здесь жизнь такая? Разве здесь можно так жить, как мы живем?»

Сколько раз ласково пыталась говорить Дуня. «Со стариками и дети наши растут рабами; в грязи, дикарятами!»

Дуняша часто бежит к соседке, к своей милой с детства подружке – к Танюше. Живое Дуня преобразится, наденет полушалок, новые ботинки.

Сейчас, на поле, за работой, чувствует она, как чист и весел легкий ветер, как хорошо в мире, и себя чувствует она чистой, легкой. Она соскучилась по чистоте. Ветер заполаскивает ее длинную тяжелую юбку, освежает лицо, руки и ноги, обутые в легкие короткие чирюхи, шитые мужем из кожи и расшитые как покупные, со строчкой. «Илья ли не мастер!»

Она вяжет снопы охотно. Но вдруг подумает: «Для чего я стараюсь? Ах, если бы самой можно было наладить все, как хочется, как хорошо бы можно жить!» Дуняша в прошлые годы мыла золото с соседкой Татьяной. Теперь россыпь обеднела. Есть кое-что еще, но труда не стоит. На добытое золото подруги покупали хорошие вещи.

Дуняша выучилась грамоте. Кузнецовские мальчишки обучали своего отца и Татьяну. Дуня не отстала. Буквы она знала по Псалтыри, учил ее в детстве отец. У Егора теперь много книг в доме. Васык стал заправский читарь.

Муж Илья – работник каких мало, а в родном доме – батрак. Дуня следит за ним, грязной рубахи на Илье еще не бывало.

С поля идти домой вечером не хочется.

– Бог ты мой, да что? Спаси и помилуй! Ах, Егор, антихрист, зараза! – вдруг забормотал бородатый Пахом. – Чего это он, по «штанам»-то тянет лошадь?

По наклону холма, где раскинулись вызолоченные солнцем, как алтарь, нивы Егора, тихо катились запряженные буланой лошадь конные грабли.

И долго еще удивлялись и оговаривали соседа старики и дети подсмеивались, перенимая от старших неприязнь к новинке.

«То ли можно завести!» – думала Дуня. Нравились ей конные грабли, и Василий казался умницей и красавцем. Он привез эти грабли, сам купил на свои деньги. Шел со своей белой, как лен, головой за красным чудом и словно о чем-то думал. Иногда ей жалко было Васыку, слишком уж он утруждает себя думами. Парень молодой, славный! Хотелось бы его встряхнуть, расколдовать!

Подскакал на коне Илья и прыгнул.

– Управился! – радостно воскликнул он и опять повалился на спину неподалеку от проясневшей жены. – Со всем управился. Все сделал! За всех! Эх, стоят твои снопы!..

– Ты бы пошел Силиным помочь.

Илья ухмыльнулся.

«Илья ли не работник. Ильюша, как хорошо можно жить было бы! Дети бы наши не болели. Танька вон рябая, дочка, тоже вяжет сноп, учится, мамке помогает. Как она болела, как кричала, на себе хотела все коросты рвать, к кровати ее привязывали. Сердце обливалось кровью. Все болезни от грязи, – полагала Дуняша. – Илья, нам ли с тобой не жить? – хотелось бы ей сказать. – Разве мы с тобой грабли не завели бы?»

Егоров сын приемный Сашка-китаец говорит: все болезни входят человеку через рот. Все несчастья выходят у человека изо рта.

Илья смуглый, волос на соломе черен, как уголь. «Наработался мужик и отдыхает. Пахарь! Пахарь мой! Да толку нет говорить. Ну как еще тебе сказать...»

Дуняша все же надеется подобрать к нему ключи. Она знает. Илья привык, зависим от отца по привычке, покорен, цены сам себе не знает. «Люди живут не для богатства!» Иван Бердышов говорил когда-то Дуне, что подарит ей пароход, повезет по всему свету. Смешно было слушать тогда. Зачем ей пароход? Но запомнились шутки Ивана на всю жизнь. Он зарыл что-то. Жить надо лучше, а не хуже, стараться выбиваться. Грязи не бояться, но и в грязи не захлебнуться. Какой был Иван бедняк, жил с гольдами.

Дуне приходилось стирать загаженное, грязнейшее белье, отмывать кровь с портянок, протухший пот, дерьмо детское. Обстирывать ораву мальчишек и парней. Старшая сестра Ильи ушла замуж, сначала отделилась, а потом с мужем – унтер-офицером уехала в город.

Ко всему руки привыкнул.

Бабка Дарья, мать Егора Кузнецова, говорит, мол, все людское. «Какой я только грязи в руках не держала, ничего со мной не стало, никакой грязи не боюсь». Это она говорит, когда стирает одежду у больных гольдов и купает их детей. А дети в струпьях, в болячках, с больными глазами. Она их всю жизнь лечит и еще разазы в дом не принесла.

А на дом Бормотовых находила болезнь. Все ребятишки перехворали, страшно вспомнить, что было.

Молила Дуня Бога. И молила мужа: давай уйдем, отделимся.

А Илья глаза тарашил и молчал. Богатырь он, а слабей бабы, отмалчивается всегда.

Хорошо, что хоть кровати у детей теперь.

Дарья говорит: «Все людское». Нет, людская грязь грязней всякой. За коровами приходилось убирать навоз, с утра до вечера вонь во дворе. Но коровья грязь – не грязь.

Дом большой, грязь нарастает в углах. Дуня удивлялась, как в этом бестолковом доме мог вырасти такой парень, как Илья, работник, не знавший усталости, умелый, старательный, хороший охотник. У него своя отрада – кони. Он любит зимой почту гонять, лучший ямщик считается на всем тракте. Разнес однажды самого пристава Телятева так, что и кошевку разбило в щепы, и сам Телятев вылетел на лед и с тех пор опасается Ильи.

Летом, если подадут подводу – лодку для начальства, лучше Ильи гребца нет. «Конечно, жаль его отпустить из дома старикам!»

Дуня чувствует, что она, кажется, больше не любит мужнину родню. А перед замужеством, будучи Илюшкиной невестой, так старалась угодить им во всем.

Дети болели, а мать молила Бога: пусть лучше сама буду рябая! А вон дочь – с рябинами. А ведь Таньке жить надо жизнь. Кто ее возьмет рябую?

Отрада Дуни – подружка Татьяна, жена младшего брата Кузнецовых. Вместе росли в Тамбовке, вместе вышли замуж в Уральское, вместе тут батрачат. «Сойдемся – все забудем, опять как малые девчонки!»

Дуня знала с раннего детства, что придется ей идти замуж, в чужой дом, к чужим людям, в кабалу, в каторгу, на работу. Теперь отец и мать далеки.

* * *

– Смотри, какие цветочки, – опустила Дуня на колени. Илья радостно улыбнулся. Ему и в голову не приходило, какие-то сейчас цветочки... Жена прикрепила ему голубые колокольчики под ремешок на новый картуз с лакированным козырьком. Илья повел коня в поводу.

– Давай такие же грабли купим! – сказала Дуня.

– Хм! Че это?

– Грабли купим!

– Зачем?

– Сегодня хорошо! – сказала Дуня. – Быстро мы с тобой построили бы дом свой. Все заведем... Пойдем на золотую падь. Таньку возьмем с собой... Намоем золота, ей приданое

будет, все купим, и будет у нас дом свой и чистый! Отцу с матерью отработаем, отдарим, все им будет... Как Кузнецовы. У них и Егор и дети ходят золото моют.

Она обняла Илью, повисла на его шее.

По берегу катились с работы конные грабли. За ними валила целая толпа, бежали ребятишки, а посередине белел лен Васькиной головы.

Илья опять молчал. Он и сам думал, что хорошо бы убраться от стариков.

– Надо еще ремней нарезать, – сказал он, снимая узду за поскотиной и отпуская коня.

Дуня призадержалась. Ей нравились красные грабли, толпа и огромная релка, усеянная снопами, со снопами по гребню, на пологие голубого вечернего неба. Походило на картину.

Танька, нежно тыкавшаяся в подол лицом, стыдливая, застенчивая Танька, трогала мать ручонками. Хотелось жить и радоваться.

Еще было светло.

Илья ушел после ужина резать ремни из шкуры. Дуня побежала к нему через тихий пышный огород. Она увидела по лицу, как он обрадовался.

– Так пойдем мыть?

– Это все вранье, наверно, – ответил Илья. – Золота они нам не покажут. Да и нет там ничего.

– Нет, есть!

– Нету.

– Послушай меня вовремя, Илья, у тебя руки золотые... Пока не поздно...

Илья испуганно посмотрел на жену. Потом хмыкнул добродушно и вскинул голову.

Она опять заговорила, а он в знак согласия кивал, нажимая шилом на толстую кожу.

Как-то страшно было бы уйти с женой из дома. Илья привык во всем слушаться, работать на отца и на дядю и не представлял, как же они останутся.

Сам он жил в такой чистоте и в такой заботе, какая ему и не снилась прежде. Он помнил бедное, голодное детство, тяжелые первые годы, когда их семье пришлось тяжелей всех.

Все Бормотовы – честные работники, кроме работы, ничего не знали, жили как все, других не опережали и не обидели еще никого. Если отец и бил кого, то только своих.

«Но вот, к примеру, отец и дядя чего-то задумают, а меня нет! Или мать... А Дуняши нет!»

Илья даже не смог удержаться и ухмыльнулся.

Дуня встала и ушла, аккуратно притворив дверь. Она тихо прошла под окнами по огороду.

«Конечно, старики – дурные! – полагал Илья. – Мать часто ворчит, но что ее слушать!» Илье и самому надоела ругань и строгости. Но он, бывало, уедет ямщиком, а потом, сменившись, останется где-нибудь на почтовом станке. Соберутся товарищи, купят у китайца ханшина.

Пахом и Тереха не запрещали Илье гулять, даже словно бы довольные бывали, когда он возвращался нетрезвый. Только редко случалось это.

Илья полагал, что, конечно, жена права, со временем само как-нибудь, наверно, решится...

А хорошие ремни получились! Не хуже городских!

– Эй, Илья! – крикнул сын торговца Санка Барабанов. – Я гонца поймал!

– Гонца! – Илья вскочил как ошпаренный и выскочил наружу.

– Да, скоро кета пойдет.

– Я как раз управился. Невода свяжем?

– Свяжем, – расплылась широкая Санкина рожа.

Ночью звезды Оринку вышли в зенит. По всем признакам, кета на подходе. Но еще пройдет неделя, прежде чем начнется ход.

...К Уральскому подходил пароход. Сеял дождь. Увидя с палубы свою убранныю пашню, Тимоха притих и почувствовал себя бесконечно бедным. Горькая доля снова ждала его, как будто он вернулся не в деревню на Амуре, а в старое село в Расее, где был крепостным.

Он вышел на берег, стараясь казаться пьяным, чтобы не так было стыдно. Встречала его вся деревня.

– Гляди-ка, ты на пароходе стал ездить! – сказал веселый и толстощекий Санка Барабанов.

– А что я, хуже тебя?

И этот пароход брал дрова.

– Зачем ты врешь? Когда ты успел? – спрашивал Пахом Бормотов.

– Я быстро прошел. Я же сноровку имею, по золоту опыт, и давно набил руку. Старание...

– Откуда же твое старание? – спросил Федор Барабанов.

– Я был на речке, где Егор мыл. Открыл речку другую, свой прииск, а потом спустился на Егорову речку. Меня на тех перекатах чуть не убило, как Егора... Трепало... Да... Мы с ним открыли...

– Верно, верно! Там другие речки тоже с содержанием! – подтвердил Егор.

«Зачем отец поддакивает?» – подумал Василий.

– Силин в городских сапогах приехал! – подсмеивались бабы.

Мужики плотно обступили Тимоху. Он хотел идти домой, но Илья удержал его.

– Нашел? Намыл?

Никто, кажется, не верил рассказам Силина.

Илья Бормотов насмешливо смотрел с высоты своего роста на вернувшегося соседа. Тимошке пришлось подбородок подымать.

Илья затрясся от смеха.

– Не веришь, спроси у Егора. Он там был! – сказал Тимоха. – На том же перекате, что и его, меня чуть не убило.

– Покажи хоть!

У Егора не решались так требовать, а к бедняку Тимохе чуть не лезли за пазуху.

– Показать! А ежели ничего у меня не осталось?

– Покажи! – попросил Пахом.

– Тимошка по приискам стал таскаться – врать стал, – отходя, говорили мужики.

«Чем бы доказать?» – думал Тимоха, сидя дома. Жена ни о чем не расспрашивала его.

Она сказала, что парень заболел, не справился с хозяйством.

Сын не стал говорить с Тимохой, ушел спать.

– Ни одного самородка не осталось, как сон пронесся! – сказал Силин жене.

– Тебе, пьяному, померещилось, поди камней набрал...

Тимоха снял свой картуз.

– Что-то блеснит... Гляди... Вот пыль золотая в картузе... Верно?

Вошел Егор.

– Тебя обчистили в Утесе?

– Обчистили! Я крепился, но змей ведь... А вот знак! Гляди, Егор, Никто мне не верит.

Тимоха и сам бы в таком случае не поверил. Мало что прогулял, он семью оставил без помощи. Он чувствовал себя кругом виноватым.

– Слава Богу, что живой вернулся! – сказала Фекла. – Да вот я и детям говорю, слава Богу, отец живой... – повторила она, оборачиваясь в угол, где лежал ее старший разболевшийся сын.

– Никто мне не верит. Гляди, вот самородочек маленький, рубля на три... Эй, сынка! Иди посмотри... На три рубля есть! – сказал Силин. – Чем же я виноват? Людям нельзя было не потрафить, они меня приютили... Видишь вот, за подкладкой еще осталось.

– Что мы будем с тобой делать? – спросил Егор. – Видел ты?

– Все видел. Я, наверно, как кидал его в картуз – за подкладку попало... Но места я не выдал. Скажи Фекле, что я не вру. Еще пойдем туда.

– Это мы разведку ведем, – сказал Егор хозяйке.

Вскоре он ушел.

С печалью смотрел Тимоха на свой картуз на столе.

«Какое тебе было богатство и пронеслось! Пронеслось счастье! А много ли домой привез? На три рубля! Позор!»

Утром Пахом Бормотов получал на пароходе квитанцию за принятые дрова. У схода он не утерпел и спросил знакомого матроса, где сидел Силин.

– На Утесе.

Оказалось, что Тимоху провожали с бубнами и пляской. От жеребцовского дома и до самых схода дорогу выстелили красным кумачом, и взойдя на судно в богатой рубахе и поддевке, но потом все прогулял. А вначале грозился, что может купить пароход.

«Греб такое золото!» – подумал Пахом, почувствовал, что его забило, как от озноба. «Егор ходит злой. Выдали все чужим, а от своих таят».

Дуня выдоила вечером двух коров, умылась и переоделась.

Старуха цедила молоко.

– Барыня ты молодая, с осанкой! – сказала она невестке.

Арина вошла с другим подойником.

– Куда ты?

– Машину посмотреть! – ласково ответила Дуняша.

– Что уж это! – вспыхнула Арина. – Что это за слова! Срам какой! Разве женское дело машины посмотреть?

– А что мне? Что еще не сделано? И постель постелила в зимовье. Все чистое. Отдохну сегодня, как на свадьбе. Илье скажите, я живо...

– Куда это барыня-то вырядилась? – спросила через забор Агафья Барабанова, тащившая на вилах сено.

– Эй, барыня, дай сладкого! – закричали ребятишки, обступая Дуню.

– Ишь выступает! – встретила ее Татьяна.

У Дуни хорошие наряды лежат в сундуке. Она завела себе и шкафчик.

«Зачем тебе?» – удивлялся тогда Илья. Сама намыла она золота на речке, сама с Татьяной накупила, чего хотела. Но негде эти наряды носить.

Дуня пришла от Кузнецовых, скинула платок и, взглянувшись в зеркало, сказала:

– Дядя Силин не врет. Прииск нашел... И место красивое, цветочки там...

– Ты-то откуда знаешь? – спросила Арина.

– А вот знаю... Сама поеду туда... с Ильюшечкой.

– Ишь ты! – кисло поджала губы старуха.

– Само богатство идет к нам в руки!

Дуня охотно пошла бы мыть одна, с Татьяной под охраной Егора. «Но ведь баба. А детей куда? Даже и детей взяла бы. Таньку бы взяла».

Дуня умела мыть золото и умела продавать его, торговаться, знала, какое золото сколько стоит. Золотник равен на вес четырем игральным картам.

Илья сидел на лавке. Он отдыхал, сложив руки на брюхе и широко раскинув ноги в новых сапогах. Одну загнул под скамью, а другую выставил далеко вперед.

Утром Пахом встретил Тимоху и поклонился ему почтительно.

– Учуй! – пробормотал Силин.

– Прости, сосед! Мы по привычке, сами ничего не можем, а другим не верим. Мы ничего не знаем, а уж люди говорят... Знают где... Мол, Силин указал...

– Это мало важности, – ответил Тимоха. – Наше никуда не денется. Что вы за соседи, помочь не могли собрать... Сын грыжу себе нажил...

– А есть там золото?

– Там столько, что все с ума сойдут! Егор же говорил вам.

– Греб золото? Греб? – вдруг задрожав, как со страха, воскликнул Пахом и кинулся к Тимохе. Он готов был не то убить его, не то целовать в приливе чувства благодарности.

– Ты че это? Не кондрашка ли? Со мной беда, а с тобой смех, дай-ка я сведу тебя домой. Или, может, sprыснуть водой? Эй, Пахом! Че с тобой? Опамятуй! Верно говорят, что за свое готовы удавиться, а на чужое рады разориться!

Глава 9

Илья сел на табурет и опять ногу выставил. Дуня ухватила мокрый задник мазанного салом рыбацкого ичига, стянула его, содрала портянку. Илья запрятал босую ногу под табурет и выставил вперед обутую. Дуня сняла и второй ичиг, как мать ребенка, погрела ступни горячими руками, одну и другую, убрала ичиги, кинула мужу меховые чирики, налила в умывальник воды из котла, помыла руки. Муж помылся не торопясь.

Дуня подала горячие щи. После обеда Илья попросил горячего чаю с брусникой. Он пил жадно и все не мог согреться.

Такого с ним еще не бывало. Он налил себе из латки брусничного сока.

Мужики ловили сегодня для соседей, на юколу, отрабатывали свою долю. Илья не стал про это рассказывать, и так известно. Для себя ловишь, как хочется. Для чужого приходится стараться.

Соседи всегда помогали Бормотовым рыбачить и учили их. Теперь приходилось свою обязанность исполнить. Но, кажется, уже отловились, гольды повели домой целые караваны лодок. Им хватит на зиму и себе, и на корм упряжкам, и на вытопку жира.

– Я сегодня любовался, как они рыбачат, – заговорил Илья. – На нем кафтанчик из рыбьей кожи, и он стоит в лодке. Себя не жалеет, ветра не боится. Стоит крепко в сильную волну, а как плюхнется доска днища и так его обдаст. А он ни че!

Дуня засмеялась от счастья. Она любила, когда Илья что-нибудь рассказывал.

Ветер злой, не так силен, как холоден, и с дождем. А гольду хоть бы что. Илье не хотелось отстать, и он спорил с ними делом. Он сильнее. Он и одет теплей, но на этот раз озяб, еле терпел. Виду не подавал, чтобы они много про себя не думали. Илья, считавшийся хорошим охотником и умелым рыбаком, сегодня признал в душе, что с гольдами ему не тягаться.

У Дуни руки разъедены солью и в порезах. Все эти дни она обрабатывала добычу с девочками. Расейские старушки с ворчней помогали потихоньку, рыбы они боятся. Аксинья говорит: «Такую разрезать силы нет, не женское дело, это не рыба, а свинья. К такой рыбе страшно подступить».

«Это не кит, а кета!» – отвечала Дуня.

«Все равно. Свиной резать – не женское дело!»

Дуня пластала смело, не хуже гольдок, работая с ними вместе на артельном столе под навесом.

Уже пятьдесят бочек уложили. Пахом закрыл, забил, все теперь готово. Стоит рыба в сарае подле мешков с солью. Рыба ждет купца с пароходом. Придет – все заберет, расплатится. Пахом деньги поделит с гольдами. Выпьют по такому случаю рыбаки.

Сегодня с утра Дуня стирала, руки ее больные отходили, смягчались в горячей воде.

Приехал гольд за солью. Пахом пошел с ним в амбар. Аксинья держала фонарь со свечой, а Пахом брал соль и сыпал в ведра.

Вернувшись, Аксинья увидела, что пьет Илья чай с соком из новой кружки. Дуня купила ее, видно, вчера на баркасе у торговца, который приехал брать рыбу у Кузнецовых и у Сашки-китайца. Была у Ильи старая чашка деревянная, все ели и пили из таких еще дома, на старых местах. С малолетства приучен Илья матерью. Ей казалось, что вместе с ее чашкой он как бы принимает и ее материнское благословение. А тут невестка становится поперек! И что ей не живется спокойно!

– Детушка... – приговаривала Аксинья, укладываясь подле захныкавшего внучонка, в то время как мать его Дуняша хлопотала около своего мужа.

Невестка, что бы ни увидела нового, все тащит с баркаса. «Видно, еще золото у нее припрятано, где-то держит его. Не у Татьяны ли?»

В избе на кухне горит лучина в поставце.

С другой рыбалки явилась целая артель: Тереха, двое парней и двое гольдов. Не переодеваясь, измученные рыбаки наскоро и жадно поели горячего, попили чая и повалились спать на лавках или прямо на полу, расстелив полушубки.

Дуня разобрала сырые сапоги и портянки, разложила и развесила сушить. Завтра еще рыбачить чуть свет пойдут далеко. Тереха помогает своим знакомым выставить сорок бочек. У Терехи свои друзья среди гольдов, свои расчеты, свой скупщик, еврей из Читы. До сих пор евреев мужики не видели.

Пахом не перечит брату. Завтра артель его пойдет на остров. Вода спала, коса выступила, и там лов хорош. А Пахом ловил возле дома, на Егоровой косе. Зачем далеко лезть?

Уральское год от года выставляет купцам все больше бочек. Теперь, уж наверное, чetyреста бочек возьмут скупщики, и заготавливают их мужики, которые пятнадцать лет тому назад боялись воды, не могли взять весла в руки, не знали, как сладить плот, в лодке стоять не могли, валились с ног. И уже живя здесь, не знали, как ловить кету, как ее резать, солить. Некоторые еще и до сих пор боятся, бабы есть – не знают, как ее в руки взять, толстую рыбину, как ее резать, с которой стороны.

Купцы уверяют, что скоро через всю Сибирь пройдет железная дорога и тогда цена на кету подымется, ее повезут во все города Сибири. А пока везут лишь по воде, небольшая часть доходит до старой сибирской столицы – до Иркутска.

Егор хочет солить икру! Но чтобы красную икру солить, надо, говорят, какие-то грохота, пропускать ее как золото, промывать, мыть в тузлуке, а тузлук этот варить. Где же у нас котлы? Кто это сумеет? Егору теперь все промывка мерещится, он хочет икру мыть, как золото. Егор сегодня рыбу сдавал, а купцы те отвечали, что привезем и соль, и котлы, и научим варить, только бы сбыт был, куда продавать, а голодных, мол, на свете прибавляется. Пока нет дорог, а будут дороги, мол, все вы разбогатеете. Зачем вам пашни, кидайте их, целый год можно пьянствовать и гулять! Рыба прокормит. Шутки они шутят! Целый год пьянствовать, у них же спирт покупать!

Пахом согласен, что вещи покупные здесь хороши, оружие, лампы, керосин, посуда, сукна, пальто. Такого раньше люди и не видали, откуда только это все везут! А что и видели, то было дорого. За деньги тут можно достать все. И от этого как-то страшно было на душе. Нам не сеять? Значит, больше не надо ткать, прясть, тянуть куделю с деревянных зубьев? Может, тогда и вечерами, длинными зимними вечерами, не петь и не работать? Конечно, хорошо бы вечный праздник! Налови кету, отправь ее на пароходах, возись с бабой и гуляй. А как же жить? Для чего человеку жить? Как же без дела? Нет! Пахом не желал так быстро расстаться со своей жизнью. Хотя в то же время он не желал и упустить барышей.

Дуня-невестка прошлые годы покупала простынное на баркасе. Дешевле, говорит, и лучше, чем делать самим.

Дуня сама работает, ее руками сделанное крепче покупного. Но купленное тоньше, белей, нежней. «Хочется всем новинок-то».

С бочками кеты ушли баркасы на буксире купеческого парохода. Егор с Савоськой для примера и даром отдали своему купцу бочонок с икрой. У Пахома с Терехой выкопана и убрана картошка, обмолочен хлеб и еще много хлеба придется молотить. Лен трепали бабы. Ветряная мельница заработала, но крыло у нее в ветер живо изломалось.

На озере звончей и веселей бьет церковный колокол.

Начинается промежговенье. Молодые в венках с друзьями и подругами приезжают к попу на подводах, увитых по бортам и по корме осенними цветами.

А ветер уже злей... Дни выдаются иногда теплые. Егор говорил, что надо новую водяную мельницу делать. У Бормотовых нынче первый год нет больных, а то все дети болели. Двое из семьи Бормотовых схоронены на вершине бугра. А нынче никто не мечется в горячке.

* * *

Немало труда вложила Дуня в хозяйство. И Аксиныне иногда хочется приласкать невестку. «Конечно, лезет она всюду, нас судит, но ведь она любя. Глупая, молодая, Ильюшку любит. Только что-то он не поучит ее ни разу, это ведь не вредит. Маленько, чтобы не выражалась, а то уж очень бойка».

Но, представя себе, как отлупил бы сын Дуняшу вожжами, Аксиныня вспомнила, как когда-то Пахом саму ее хлестнул, пьяный, уздечкой, и вдруг пожалела невестку. А сколько тычков, затрещин снесла сама!

– Ну, поди на улку, к подружке ли... отдохни, погуляй с Татьянкой-то, – сказала Аксиныня, вынимая из печи свежие пироги с рыбой, с осетриной. Радуюсь пирогам и жалея себя за снесенные смолоду побои, Аксиныня хотела бы и своей труженице, к которой привыкла за эти годы, отдыха и довольствия.

Илья чуть свет опять унесся сводить счеты в лесу. Нынче медведи сообразили, что люди ночью боятся по тайге ходить. Ловят рыбу в сумраке. Купец заказывал Илье к весне десятка два медвежьих шкур. Хочет забить Илья. А мог бы у гольдов за бесценнок выменять, дать им старые ведра, чайники, что в хозяйстве не нужно, они все возьмут.

– Можешь погулять, – ласково повторила Аксиныня невестке.

– Запрягу коня? – спросила вдруг Дуня.

– Запряги, – сказала свекровь.

– Свекровушка, я в телегу запрягу?

Воскресений в семье не знали, все эти дни работали и по праздникам. Мышкинского попа не любили, ездили к нему, но всегда помнили, что он из-за выгод охотней возится с гольдами.

– Ласковый теленок двух маток сосет, – сказала Аксиныня и погладила невестку по плечу. – Гладенькая!

– Золота намоем... Все купим новое. Городское, – ответила Дуня.

«Ну, что же это?» – удивилась такой бесцеремонности Бормотова. Сегодня не хотелось ссориться, уж очень удачно прошла осень, и купцы хорошо расплатились.

– Городов-то тут нет! – сказала она. – Где брать городское?

– Городов нет, а все лучше, чем на старых местах. Сами же говорите.

Дуня запрягла смирную кобылу, забрала ребятишек и уехала.

«Куда-зачем, про то не скажет!» – подумала Аксиныня. Дуня к обеду вернулась.

– Господи! Палки какие-то привезла! – всплеснула руками Бормотова. – Господи, да что это она? Зачем? Что ты?

«Если уж не делиться, так я хоть тут постараюсь!» – решила Дуня.

Утром пришла Наталья и увидела перед домом Бормотовых посаженные молоденькие деревца.

– Вот это сирень! – говорила ей Дуня. – А это – яблонька.

– Как-то еще разбирает эти кусты. Какая же это яблоня! Разве яблоня такая? На яблоне яблоки растут, а тут и яблоков настоящих нету, – ворчала свекровь, вышедшая послушать разговор. – По мне, так все они тут одинаковые, ерник и ерник! – сказала она.

Наталья почувствовала ее язвительность и ответила:

– Я тоже хочу палисадничек завести.

Не только достатка, но и красоты желала Дуня, и не только себе – всем. Дети, как могли, помогали ей. Как не видела их детского старания бабка? Им радостно. Они в жизни видели только, что дерево рубят, а как его сажают, увидели в первый раз. Нет пустыря у дома, красит, радуется дерево. Это уж не та чаща, что в тайге.

– Весной распустится у вас сирень под окнами! – радостно восклицала Татьяна, прибежавшая к подруге.

– Земля уж холодная, – сказала Аксинья. – Не привьется!

– Самое время сейчас посадку делать, – ответила Дуня.

– Кто тебе сказал? – спросила свекровь.

Невестка не ответила, разговаривала с подругой.

«Ишь ты, королева!» – подумала Аксинья.

Арина вышла и уставилась белыми глазами на кусты.

– Что же это она делает? – жаловалась Арина. – Все без спроса, как будто хозяйка в доме!

Они же вырастут! Мошка будет от деревьев. Детей замучает. Бараны погибнут от мошки. Вон у Силиных мошка корову съела.

– Конечно, нельзя возле жилья держать лес! – говорила Аксинья мужу.

Пахом молчал.

Дуня гордо и презрительно смотрела на свекровь.

«Надо Илье пожаловаться, а то он пень пнем. Поучил бы ее», – полагала Аксинья.

– Жена твоя, сынок, ничего не слушает, – сказала она Илье, встречая его.

Илья хмыкнул и, взойдя в дом, взглянул на Дуню с гордостью:

– Че, сад у нас!

Он повесил ружье и больше ничего не сказал.

– Давай-ка, муженек ты мой, делиться. Не будет у нас жизни... – улучив миг, сказала Дуня на ходу в сенях.

– Когда?

– Сегодня!

Илья хмыкнул. Он так ничего и не сказал ни жене, ни матери.

– Танька, где твой тятка? – спрашивала Дуня.

– Тятя, – хлопала девчонка обеими руками по скулам Ильи.

Он сидел счастливый, неподвижный, как бурхан. «Ему ничего больше и не надо!» – думала Дуня.

С детства она приучена была к мысли, что придется подчиняться мужу и свекрови. В девушках, с тайным невысказанным ужасом думала, – кому отдадут. Кому продадут, кому детей рожать? Что придется терпеть, не знала. Умной девушке трудно. Глупой легче, ждет, как баран, когда зарежут. Слава Богу, отец завлекся охотой и отдал Дуню по любви. А потом пожалел, спохватился, да поздно. Ему бы волосы на себе рвать! Продешевил, говорит, девку, женихов у нее был табун, мог бы взять большие деньги, а она не в богатый дом захотела. В бедный, в батрачки! Кто лучше Ильи? Иван умней его, но ведь он... – Дуня счастливо улыбнулась при этом воспоминании.

Отец Дуни надеялся, что Илья станет ему товарищем на охоте и слава их загремит. Теперь Спиридон недоволен, говорит, что зять сидит под бабьей юбкой и возится со старухами и что его от дома не оторвешь.

Глава 10

Вечерами горит лучина. Девушки и женщины прядут. Мужики работают в лесу, рубят дрова, заготавливают для пароходов к будущему лету. Возвращаются в сумерках и стараются улечься пораньше. Если Пахом сказки рассказывает, Илья вылезет из-под полога, сядет на табурет у печки, подождет босые ноги и слушает отца, как ребенок. Илья любит, когда отец веселый. Пахом расскажет и сам ухмыльнется в бороду, застенчиво. Ссориться он горазд. А смеяться не умеет, не обучился за долгую жизнь. Не над чем было! Только в эту пору он изредка радуется.

Парни лупят глаза на братову жену, на ее пальцы, словно по пословице: «Села невестка пряхь, берегите, деверья, глаз!» Дуня помнит старинную присказку, и не будь бы их любованья, и пальцам ее, верно, не так бы бегать. «Парни еще глупые, пусть подивятся».

Пахом умолкнет и уляжется. Парни расползутся по полатам и кроватям. Женские голоса затянут, девичьи подхватят, и польется протяжная грусть. Льяные девичьи головы клонятся над прялками с льяной куделью на гребнях.

Аксинья снимет нагар, упадут мелкие уголья в воду, зашипят и угаснут... Вспыхнет новая лучина.

«Пора бы уж спать», – думает Дуняша.

Покупные часы на стене пробили полночь, а свекровь еще крутит пряжу. У нее свой счет времени по пряже. По пряденью у Дуняши уже утро наступило, а у старухи – по кудели еще вся ночь впереди. Парни уснули, без них лучше... Сначала пелось славно, но и зевнешь, от скуки, чуть скулу не своротишь. И скорее прикроешь рот. Грех зевать! Спать все же охота!

Во всех домах поют песни. Обычай старой родины принесли крестьяне сюда. «А здесь все не так!» – сказала бы Дуняша, да некому. Иногда только Илье выложит все: «Дома не те, люди не те... только рабы Божьи те же...»

За стеклами и за промасленной бумагой окон чуть поблескивают огоньки у соседей. Уж поздняя осень. Погода сухая, тихая, выйдешь во двор – холодно, звезды горят большие, белые, небо как сугроб, а земля черна, луны нет, при свете неба черный частокол ельников на сопках обступил деревню со всех сторон. Тяжелые большие дома стоят на берегу.

– Не ткала бы, не пряла и голая не ходила бы! – сказала Дуняша, расстегиваясь за пологом. – Прииск-то...

Она перенимала пермяцкое оканье.

– Еще вдревь толковали, товары из-за моря идут! – отозвалась примирительно Аксинья.

– Бабу веретено одевает, – сказала Арина. – Глаза устали...

– Без свечей-то, – вдруг сказал Илья.

Оказывается, он не спал. Дуня порадовалась, сердчишку легче, муж столько ждал ее.

– Мы век жили без свечей, – заворчала Арина.

– Это баре покупные свечи жгут даром, – подтвердила Аксинья.

– К рождеству где-то у меня еще свечи есть в сундуке, – вспомнила Дуняша. Она полезла в горячую постель. Илья горячий, лезешь, как в парную.

Не только свечей – стекла не стало. В разбитые окна нечего вставлять, приладили промасленную бумагу. Кончилось золото, выработались пески на речке под деревней, не на что покупать. А стекло подорожало, говорят, потонул пароход со стеклом в море.

«Зачем эта прялка и все... – думает Дуняша, – когда можно с Ильей намыть себе на свой дом, на скот и на хозяйство, на одежду и на женское. Что там свечи!»

Она слыхала от торговца Ивана Бердышова, как люди живут, видела сама кое-что и читала в книгах. «Можно жить и просто и легко, себя не убивать. Столько разного товара для

удобства жизни! И все можно получить. А тут поём хорошо, да тянем зря. Боятся старики, как бы без дела не просидели, не обленились. Мы с Ильей и с достатком не обленимся!»

– Поедем мыть с тобой на Тимохин прииск! – шепчет она мужу.

Илья не спал не для того, чтобы толковать про прииск. Дуня рассмеялась громко, вырвалось у нее... Кто-то из старух кашлянул...

Илья славный. Он на все согласен и ничего, никакой работы не боится! Каких коней он выездил! И сам как добрый конь. Рванет – не удержишь. На прииски идти согласен, но особенно его не тянет. И не совсем верит он Тимохе. Не говорит, но, кажется, ему и так хорошо. А иногда хочет мыть. Не поймешь его.

У Дуни словно пружина в сердце и завод. Удары в груди всегда будят ее в то время, в какое надо встать. Вскочивши, еще в полусне начинает прихорашиваться. Затеплится огарок за пологом. Здесь свеча, зеркальце, гребень и муж на кровати и рядом меньшая – Танька. Ее, Дунин, свой мир, маленький, теплый и любимый. Она иногда расчесывается во тьме, чтобы не зlobить старух.

И сразу пробили часы. Вот уж и собаки завыли.

Дуня гасит огарочек, коснется щекой ребенка, почувствует детское дыхание и впотьмах уходит во двор.

Она приносит дрова.

Воду наливает для скота в долбленные колоды. В старую избу несет воду, в кадку, в котлы. Затапливает плиту, сходит в ледник, принесет нарубленные накануне куски мяса. Надо еду варить. Задавать корм скоту, отруби запарить.

Начисто моет колоды для водопоя, ошпаривает их кипятком.

«Боже, дай нам счастья, детям нашим!»

По избе, как камни, еще лежат без движения в глубоком сне мужики и парни. Возлюбленный супруг за пологом раскинул руки. Дуня вбежит в дом, кинется к мужу под полог, отогреет свое сердце и опять за дело.

Пахом поднимается, начинает расталкивать парней, словно сам давно не спал. Удивляется, что никто вставать не хочет, и сердится, не может добудиться.

Старухи встали, уж ползают по двору, по закоулкам. Девчонки забежали.

Коровы ели, вареный корм им задан. Но не радостно Аксиные. Год от года Дуня становится сильней. Аксиныя и Арина слабели, не могли обойтись без невестки. Без нее как без рук. Но не хотелось Аксиные признаваться в этом. Она противилась, желала показать невестке, что еще зорек глаз хозяйки.

Поэтому, несмотря на все старания невестки, покоя в доме не было. Была бы ленива – беда. Но лень можно выбить. А такое старание страшней лени.

«Почему она так спешит, словно это все только ее?» – думает Аксиныя.

Аксиныя только подумает о том, что надо сделать, а глядь – невестка уже сделала, догадалась!

...Наступил рождественский пост, и к праздникам весь дом надо было прибрать, все вымыть и вычистить, перестирывать, перечинить и перештопать старье, сшить всем обновки, украсить дом пихтой.

А потом придется наготовить впрок пирогов, вынести на мороз одних пельменей не менее пяти тысяч штук, с мясом, с калужатиной и со всякой всячиной. Пирожки с черемухой на морозе замерзнут, как камень. Пельмени ссыпятся в мешки. Подвешат их мужики к балкам в амбаре. Это только начало...

Дуня побелила стены, измыла полы добела, терла их с песком в избе и в сенях, вымыла кипятком амбар, вычистила навоз, свезла...

– Маманя, – почесывая лоб, сказала она, стоя посреди избы, в то время как Танька лениво, закусив в рот свой подол, пряталась в ее огромной юбке, – вот это сжечь бы!

– Да ты что? Ах ты! – всплеснула руками Аксинья. – Сжечь! Да ты не заводила! Это хорошая вещь! Из Расеи... Ноская.

– Ноская! – грубо ответила Дуняша. – Эка золото. И стирайте ее сами! Привыкли жить в дерьме!

– Ты как это смеешь? – забежали глаза свекрови.

– Ты что это? – ужаснулась Арина.

– Да тут шкур сколько угодно, меха можете взять себе, другую пошить. Шелка у китайцев взять покрыть, самые лучшие в мире, задаром.

– Ты не заводила! Ишь какая! Шелка ей!

За обедом все ели дружно, и казалось, ссоры не бывало. При Пахоме, Терехе и муже Дуня сказала свекрови:

– Делиться нам с вами пора!

– Ах, вот что! Чего задумала! Как это делиться?

– Как ты с детьми справишься?

– Справлюсь!

– Уж детям ли не житье у бабушки?

– Правда, рукомойника бояться! Умываться не научу... Что у вас за дом? Вещей хороших нет, одни тряпки, – говорила Дуня.

– Как ты смеешь так отвечать! Илья, натрепал бы ее за волосы, как она с матерью говорит... Как она при старших смеет!

– Что же я плохого сказала? Я вам же хочу добра, – ответила Дуня и встала из-за стола. – Простите! – сказала она и низко поклонилась.

– Шшить вы, заразы! – вдруг закричал Пахом на старух.

– Побей меня, муженек, поучи! – выпрямляясь, сказала Дуня мужу.

Илья притих. На глазах у него стали навертываться слезы. Но чтобы никто не заметил, он быстро ушел.

Пахом подпоясался и тоже ушел.

– Улестила всех! – пробормотала Аксинья.

Глава 11

Почта приехала. Пассажиры просили ехать дальше, обещали приплату. Вызвался Илья. Он сказал жене, что, по всем приметам, пурга не разыграется.

– Дай мне свои штаны, – сказала Дуня. – Я пойду за тебя в лес, как только погода установится.

Илья отдал жене ватные штаны.

Илья укатил с колокольцами, повел весь караван верхом на гусевике. С ним Васька Кузнецов и другие ямщики, шесть кошевок с почтой и пассажирами. Илья среди торосов дорогу знает, как волк. Проезжающие ему хорошо платят и угощают вином, очень нравится им, как Илья ямщикит. Только песен не поет. Ему скажут – спой, он смолчит или ответит: «Тут не Расея!» Возвращаясь, деньги отдает Дуне, когда в доме нет никого. А Дуня нарочно потом побренчит при старухах монетками.

Илья вырос в семье, в хозяйстве которой была единственная лошадь. Теперь у Ильи есть жеребец, томской, сибирской породы, с длинными ногами, и еще два мерина – гнедой и буланый. Есть мелкие коняги, мохнатые казачьи забайкалки, выносливые, сами себе могут корм добывать под снегом, как олени.

Однажды Дуня похвасталась отцу мужниным табуном. Спирька Шишкин ответил ей:

– Ты сама – кровная лошадь, породистая девка была. Эх... Илья был охотник хороший... Я его любил. Удал! А женился и на охоту не идет! Много у вас дела дома!

...Тереха болел не первый день. Дуня поехала в тайгу с Пахомом и с парнями. Она умела рубить лес, знала, как свалить лучше лесину, куда ее положить вершиной.

В полушубке, в длинной теплой шерстяной юбке и зимних штанах под ней, согнувшись, с топором за поясом бредет Дуня по снегу.

Куры в такой мороз сидят в избе в небольшой клетке, помет чистишь за день дважды. А то в кухне засмердит.

На другой день ударил такой мороз, что мужики не поехали в лес, выпили и проиграли до вечера в карты.

Опять с ведрами, с подойниками, с отрубями возится Дуняша. Вымя надо обмыть, вытереть, выдоить. Вечером коровам нужен теплый корм.

Ночью, когда пожалеешь своих ребятишек, то пожалеешь и себя. Семка кричит, не спит.

– Черт ты! – не вытерпит мать, – Будешь спать? Выброшу собакам!

Илья вернулся с низовой почтой. Набитый деньгами кошелек отдал Дуне.

– Это тебе, чтобы зря не брэнчала.

– Где же ты такой кошелек купил?

– Везли генерала с генеральшей. Она чуть не влюбилась в Ваську... А мне заплатили... Кошелек на свои деньги взял у торговцев... А Васька книг купил. Сходи к имя. Васька в своей кошевке генерала вез. С генеральшей, с молодой! А мне купец попался и все угощал вином.

Дуне негде поговорить наедине с мужем. Кругом толкутся. Илью нельзя отзывать, он не пойдет, еще и удивится, зачем, мол, зовешь, толкуй тут...

– Нет, – сказала Дуня ночью, в постели, отстраняясь от мужа.

Она стала тихо, но бурно жаловаться.

«Ночная кукушка дневную перекукует!» – думала Аксинья, не слыша ее слов, но догадываясь, что за пологом на нее с золовкой льется река зла.

– Вот уж врет, вот уж врет! – не выдержав, заворчала мать в потемках.

– А как гусевик, не хромал? – спросил с печи Пахом.

– Нет, – небрежно ответил сын.

– Я говорил, что припадает... Хорек его покусал...

– Я ли не работница... У меня ли не руки, – лился чуть слышный шепот прямо в ухо Илье, даже щекотно ему. – Нам ли не жить? А все нам заступлено. Уйдем, давай заживем сами, детям порадуемся и жизни. И друг друга мы не видим, не говорим... Без позволения не живем, шагу не ступим. Хорошо делаешь – им боязно, что я одолею, все возьму себе. Плохо – как на ленивую батрачку смотрят. Я не ужогу никак, и не буду! Ильешечка, милый...

– Что уж это, как не стыдно! – ворчит Арина, хотя и она ни слова не разобрала.

И Пахом ничего не разобрал.

– Нет, это она правильно! – изрекает он. – Лес рубить не женское дело.

– Тогда уж и жить бабам надо, как мужики! – слабится во тьме Тереха.

Илья силится, думает, как быть. Переменить жизнь? Отца-мать не переспоришь. Он непривычен спорить.

– А все-таки разделимся! – сказала Дуня утром свекрови.

И она почувствовала, что стрела попала в цель. «Слово не стрела, а хуже стрелы!» Выражение самодовольства явилось на ее сильном лице. Аксинью взорвало.

– Ссоришь нас с сыном?

– Чем я вам не потрафляю?

Тем временем Пахом заметил, что у новой кошевки оглобля напрочь вырвана.

– Ах ты, зараза! – раздался надтреснутый голос во дворе.

Илья получил кнутовищем по затылку.

Выбежала Дуня.

– За что, тятенька! Он ли на вас не робит? Как вы смеете!

Дуня тронула мужа за рукав, но тот вырвался.

Илья наладил кошевку, почистил коней и явился в избу. Он опять сел, раскинув ноги. Потом, ни слова не сказав отцу, ушел, запряг коней и умчался. Он вернулся поздно ночью пьяный.

«Этого не хватало!» – подумала Дуня и ушла спать к детям.

Наутро Пахом сильно задумался.

– Что мне побои-то сносить! – заявил ему Илья.

Ночью, пьяный, он ударился лбом о ворота.

...Егор давно советовал Пахому отделить молодых. Сам он отделил брата, и тот жил с Татьяной хорошо и тихо.

– Но как же делиться? У вас ничего нет, – сказал Пахом.

– Кони твои! – обратилась Дуня к мужу.

«Что же, как цыгане на конях будем ездить?» – подумал Илья и ухмыльнулся. А на душе скребло, хоть плачь.

– Заработаем и отделимся, – стояла на своем невестка.

– Да как же мы с Терехой жизнь живем и не делимся...

– Да, уж пропустил я время! – с тяжелым вздохом сказал Тереха. – А то надо бы было... Это... То есть...

Он уже лет двадцать сетовал в душе, что вовремя не отделился. Брат крутой, строгий. Он командовал Терехой, как солдатом.

А Пахому казалось, что Тереха им пригрет, и в правах с ним равен и что им обоим живется одинаково и очень хорошо.

Тереха тяготился, но терпел, опасался, что не сумеет жить сам. Он смолоду жил умом отца, а теперь привык жить по указке брата и согласен был впредь терпеть, лишь бы не брать на себя заботы, не думать о делах. Но и он недоволен, что Пахом на новом месте больно держится старины, уж очень он обычаю покорен.

Многие думы ложились у Терехи в голову, совсем не как у брата. Терехе нравилось новое, а Пахому – старое. Тереха подавлял в себе все свои желания потому, что боялся разлада.

Вся семья перессорилась в этот день. Все остались в обиде друг на друга.

– Илья! А Илья! Ну, что ты молчишь?.. Смотри, Илья, – вспыхнула Дуняша, оставшись с мужем наедине, – я тебя погублю, ей-богу погублю, если будешь молчать.

Илья ухмыльнулся. Приехал Митька Овчинников и подбивал его ехать в кабак, «под елку». Илье надоели домашние споры и раздоры. Угрозу жены он не принял к сердцу. Она ли не заступник его, не первый ли ему друг, холит его, нежит! «Любит, как же погубит меня?» – подумал он и опять ухмыльнулся.

Аксинья пришла и сказала Дуне:

– Мы старые, уходить от нас нельзя... Прости нас!

Молодая женщина потемнела лицом. Такая покорность и доброта свекрови были хуже зла. Она знала, что не смеет не жалеть стариков.

– Че же делать? – сказал Илья.

– Делиться надо! – ответила Дуня.

На это у Ильи не было ни душевных сил, ни решимости.

Он пожал плечами.

– Илья! Заклинаю тебя! Смотри! Я не шучу...

...На ямщицкой попойке у китайца в лавке Митька Овчинников спросил Илью:

– Что ты последнее время нос повесил?

– Дома нелады, – признался пьяный Илья, – у баб грызня.

– Стоит ли из-за этого! – Митька засмеялся, а Илья совсем понурился.

У Митьки дело не ладилось с Настасьей Кузнецовой. Он подозревал, что она не зря всегда ждала прихода «Ермака». Там, как он слышал, есть один пропойца и прохвост, а Настя его жалеет.

– На золото я не пойду, – рассуждал Митька. – У нас все с ума сошли, отец ждет весны. Бабы жадничают. А я не ходил и не пойду. С Амура – никуда! И ты – плюнь на баб!

«Как же плюнуть!» – думал Илья.

– Бабы всегда грызутся. Что ты так удивляешься! Да Авдотья сама от семи собак отгрызется. А ты так и будешь жалеть то мать, то ее... Бабы, они бабы и есть! Сплетки сплетают! А тебе-то что?

Илья подумал, что, пожалуй, на самом деле не стоит так убиваться из-за бабьих ссор.

«Жалко, конечно, Дуню. Ну и что? Разве ей плохо? Разве мы не вместе всегда, разве она не любит меня! Дети у нас теперь здоровы!»

Илья решил, что нечего дома давать потачки, надо быть мужиком. «А я сам как баба, только и боюсь. Мать да жену!»

– Жена есть жена! – сказал пожилой ямщик. – Люби ее, как душу, трясина, как грушу!

– В тайге груши дикие, – отвечал Илья. – Их другой раз как ни трясина – толку нет.

– А на старых местах хороши груши, – сказал старик, – мягки и сладки.

– Так и ждут, кто сорвет, – добавил Митька.

Илью вдруг разобрала жгучая тоска, и потянуло его домой. Больше не хотелось пить и разговаривать с Митькой. Илья недобро уставился. Подумал, что надо при удобном случае стукнуть его, заразу, за все. «Может, он и прав, но ловко бы двинуть его, чтобы сопло закро-вило».

Илья только не мог придумать, к чему придраться.

Глава 12

– Здравствуй, Василечек! – бойко сказала Дуняша. – Ты почему у Татьяны, а не дома? Покажи, какую книгу читаешь?

– Вот, гляди! А где Илья?

– Илья вне очередь уехал с почтой. Повез богатого китайца, крещеного. У него в Благовещенске свой маленький завод. Шуба на нем в тысячу рублей, сукно подбито собольим мехом, и роговые очки на носу. Вот это китаец! С ним едет свой врач, тоже китайский, ученый. А ты что не дома?

– А у нас свалка, читать не дают, – сказал Вася.

– Дерутся, што ль?

– Хуже... Приборка идет. Очищаются от грязи, а потом поедут в церковь очищаться от грехов...

– А я к подружке. Так она седня в батрачках? Ну я с тобой посижу...

Василий глянул в окошко.

– Она скоро придет! – ответил он.

– А ты, Васятка, читарем стал! Ну, покажи книгу... Хотя бы почитал. Илья у меня стал пьянствовать. Характера у него не хватает.

– Возьми себе эту книгу. Грамотная ведь ты.

– По Псалтырю тятенька учил: аз, буки, веде, глагол... Только мне делов не хватало, при бабке книжку читать! Василек, почитай вслух, а я посижу барыней. Кто это такая?

– Это... А вот смотри, какая черная красавица.

– Васька, бесстыдник! Это кто такая голая? Волосы черные, нос как у вороны? Сейчас свекрови отнесу...

– Это цыганка. Черная красота! Самая жгучая!

Дуня откатилась на каблучках и снова подошла застенчиво.

– А ну, покажи еще.

Вася закрыл книгу. На обложке какое-то здание, перед ним высокие каменные ворота без стен, вокруг дерева. Надпись: «Париж».

– Где ты взял?

– Генеральша подарила.

– Молоденькая?

– Совсем молоденькая. Да и генерал не старый. Им тут выслугу дают скорей, чем на старых местах. Тут не только нам, но и генералам есть выгода.

– Красивая она? Узнала, что ты грамотный?

– Да, мы говорили, и она сама спросила, откуда же я знаю. Велела денщику распаковать чемодан и подарила мне книжку. Читайте, мол.

– А ты? – ревниво спросила Дуня. – Надо было поклониться... И она черненькая?

– Да, как цыганка. Красивая!

– Ты думаешь, если как цыганка, так красивая?

– Конечно.

– А русые тебе не нравятся?

– Нет!

– Я черная или русая?

– Ты? Так себе. Вечером, когда вырядишься, ты черная. А днем вот, как сейчас, белая, как гусыня.

– Вот Бог тебя накажет... Женишься на белобрысенькой.

– Нет, я на черной. Вас, русских, много.

– А черные как вороны. Тебе не пора жениться?

– Пора.

– А ты помнишь, как ты был еще мальцом и приехал к нам в Тамбовку, вы тогда, как герои, явились с Бердышовым, ходили по Горюну... А я уж была в невестах... Как вы нам все понравились! Иван такой удалый, веселый...

Васька покраснел до корней своих светло-русых волос.

– А Илья отбил меня у богатых женихов! Пень, а что удумал! Верно! А помнишь, Василек, я тебя еще целовала на вечерке, как малое дитятко... – И Дуня погладила его густые, мягкие волосы и заглянула в лицо.

Вася потому и краснел, что помнил. Он поднял на Дуняшу чистые, немного грустные глаза, словно просил не обижать.

– Я ведь знаю, ты не такой смирный... Слыхала, чего в городе натворил... А ты что нынче с Ильей не поехал? Дружба, а выдал товарища, а еще на прииск его зовешь! Если пойдете, и я с вами пойду...

– Становой поедет, телеграмма есть на станке. Илью он убить грозился за то, что еще те годы разнес... Я за него поеду!

– А красивый город! – сказала Дуня, рассматривая книгу.

– У них тепло, зимы не бывает.

– Дедушка мой, Спиридона Шишкина отец, воевал... Тятя мне на охоте рассказывал... Так понравилась?

– Даже очень! Вот это как раз на нее походит!

– А Илья неграмотный у меня! Еще до барынь не добрался! А ты что, генеральшу голую, что ль, видел?

– Почему это?

– Да говоришь, что эта картина на нее походит!

– Лицом поди!

Васька засмеялся.

– Пора тебе жениться, чтобы на генеральш не засматривался. Кого выглядел, тихоня! У тебя все проезжающие, то генерал, то американец, то поп... Я думала, ты в попы готовишься!

– Я ей рассказывал, она удивлялась, что у нас американцы живут и что Бердышов был в Калифорнии...

– Как я ее не повидала! Сбегала бы за чем-нибудь на станок, молочка бы ей отнесла. Она, говорят, требовала молока.

– Нет, она везде просила сливок. Для кофе.

– А где взяла?

– А Татьяна на что!

– Ах ты, верно, она звала... А я в коровнике назьмы чистила... Будет у тебя жена... Черная, красивая, нос с горбинкой, как баба-яга. – Дуняша расхохоталась.

Вбежала Татьяна.

– Все! Отбратчила!

– А где Федя?

– Федя мой спит в бане. Ему хоть бы что! Вот батю любит! Егор с Петрованом поехали к китайцу – к нашему брату Сашке Кузнецову, а не к купцам... А ты че с неженатыми парнями?

– Василечек! Дитятко! – Дуняша приласкалась щекой к Васяткиной щеке. – Он мне всегда люб... А смотри, какой он вырос... Встань!

– Что я, не знаю, што ль? Соколеночек мой! Племянничек! – об другую щеку потерлась Татьяна. – Грамотный, зараза! Что прочтет, сразу запомнит. Тебе бы, Васька, в город...

– Ну, молодки, я пошел, – поднялся Василий. – Сплетничайте тут.

– Постараемся!

– Спасибо, Василь Егорыч! – поклонилась Дуня.

– Уж простите нас, – в тон ей ответил Василий и тоже поклонился. – Ты там со своими все из-за яблоков с черемухой не разберешься? Наши, кроме палок да грибов с огурцами, ничего не видели.

– А редька? – отозвалась Татьяна. – Редька да капуста, чем не еда. Пермяки да тамбовцы, чем не беда...

Василий, надев шапку, в одной рубашке пошел домой.

* * *

– А что от тебя ханшином пахнет? – спросила Дуня.

– Свои угощали на помочах! – ответила Таня.

– В пост-то!

– Мало ли! А помнишь когда-то, как в Тамбовке плясали великим постом? Васька все о чем-то думает, ты бы хоть его возмутила, свела бы с ума, – говорила ей Татьяна.

– Куда сводить?

– Туда!

– Грех!

– С Васькой-то грех!.. – Татьяна расхохоталась. – Я бы другой раз сама думаю... Кто это нас с тобой смущает?

– А я согрешила! – печально сказала Дуня, садясь на сундук и локтями упираясь в свои колени.

– Это с Васькой-то?

– Нет. С Ильюшей! – Дуня понурилась. – Первый раз в жизни пожелала ему плохого... Пообещала обидеть его. И не могу забыть.

– Какие пустяки! Какая ты барыня! «Эх, барыня угорела, много сахара поела!» – прошлась Таня с притопом и взвизгнула: – И-и-и-эх! Эх! – и развела рукой. – Гуляй! В своей-то избе! Сейчас моя орава нагрянет.

– Нет, это не пустяки, – ответила Дуня.

– Васька у нас не влюбился ли в генеральшу? – сказала Татьяна. – Какой-то он задумчивый. А ведь парень что надо. А ну как черноглазая присушила, зараза! Знала бы – сливок не носила ей.

Василий пришел домой. Егор вернулся только что от своего приемного сына из-за речки. Он велел Васе почистить ружье. Василий посмотрел в дуло. Там – черно.

«Сам ездил, стрелял, а меня не пускает», – с обидой подумал Василий. Ему хотелось размяться, сразиться с каким-нибудь зверем. Вдруг нарвешься! И подумать в тайге, чтобы никто не мешал.

Генеральша так и стояла у него в памяти.

«Вы начитанный», – сказала она ему потом.

Генерал с женой устали в дороге. Вася посоветовал им задержаться в Уральском и одну ночь спокойно переночевать. Он сказал, что предупредит, чтобы все приготовили, даст домой телеграмму.

– У вас есть телеграф? – спросил тогда генерал.

– Нет. Но за рекой есть станок, и там живет телеграфист. Он живо перешлет отцу с нарочным.

Генеральша достала бумагу.

– Я напишу сам, – сказал Вася.

Она удивилась, какую толковую телеграмму составил. Написал безукоризненно грамотно, со всеми знаками препинания.

- Где вы учились? – спросила она.
- Отец отдавал меня знакомому. И сам старался.
- Хороший учитель оказался?
- Да, хороший человек.
- Как он сюда попал? Пьющий?
- Нет, он... хромой.

Генеральша хотела дать денег на телеграмму.

– Мне платить не придется, – ответил Вася. – Здесь у нас все свои и передадут без денег. Пока проезжающие обедали на станке, он отнес телеграмму.

В дороге Василий рассказывал про Ивана Бердышова, про жизнь крестьян, про их мысли.

– А доходят к вам газеты?

– Да, мы читаем.

– Вам, Василий Егорович, – сказала на прощание генеральша, – надо учиться. Может быть, когда-нибудь вам стоит поехать в Америку. Здесь это просто. Ездил же Бердышов! Теперь разрешено. Некоторые сектанты совсем переселяются туда. Вы бы отправились на корабле. То, что вы говорите про золотые богатства Амура, очень походит на рассказы про золотую лихорадку в Калифорнии.

Василий почувствовал, что новая знакомая хочет для него какой-то другой, лучшей жизни. Он и сам иногда думал об этом.

Ему казалось иногда, что еще будет он жить не здесь. «Не от Ивана ли Бердышова передались такие мечты? Тот бредил вслух, на Горюне, когда таскались на лодках с товаром по речкам и озерам, что заживет...»

После Горюна, на вечерке первый раз в жизни поцеловался Васька, и не сам поцеловался. Дуняша влепила ему поцелуй. Она тогда дразнила Илью!

Васька дружит с Ильей. Но до сих пор Дуняша нравится ему, и он душевно напрягается при встрече с ней, чтобы не выдать себя. А она хороша. И она и генеральша...

Васька бывал в городах. Черноглазые женщины нравились ему. Он встречал их в Благовещенске, куда ездил с отцом покупать коней, и в Николаевске, который нынче разжаловали, порт оттуда перевели. А прежде там стоял гарнизон, корабли, было много чиновников и военных. А теперь все заглохло, ничего, кроме торгашей и бардаков, не осталось.

Чудо что за глаза у генеральши. Умны и ласковы. На своих после такой и смотреть не захочешь. Черноглазые были редки среди светлых и русых крестьянских девушек.

Дуняша, конечно, хороша. В детстве Васька мог сидеть и любоваться на нее подолгу, как медведь на ветрянку мельницу.

Генеральша спросила: «Это по имени вашего отца названо место, где стоит Уральское?» Потом сказала: «Ваш отец знаменитый человек, и я не удивляюсь, что у него такие дети...»

А Егор сейчас стоял в углу перед иконой и молился на сон, закрыв лицо ладонями. Он думал о сыне и молился за него.

Егор замечал, что парень бывает грустным и всегда о чем-то думает, словно он что-то видит и понимает такое, что незаметно другим.

«Может быть, ему тоскливо без дела, он ведь все умеет, не в такой нужде вырос, как мы. Может быть, желает того, чего нет, невозможного».

«Почему ваш сын так безукоризненно грамотен? – спросила его генеральша. – Вы его учили?»

«Нет, не я, а люди».

«Нет, я думаю, что вы, Егор Кондратьевич», – молвил генерал.

«Вы такой же удивительный человек, как ваш сын, – сказала она. – Он весь в вас. Только он производит впечатление воспитанного городского человека».

«А ты, что ль, не воспитанный?» – с обидой спросила Наталья, когда господа уехали.

Егор никогда и никого не жалел в своей семье. Он всем давал дело и работу. Жалеть детей было не за что. Надо было требовать с них, а не жалеть.

Васька всегда исполнял все беспрекословно. Много требовать с него не приходилось. Он сам умел сделать все не хуже отца.

Чувствует Егор, что становится тоскливо парню, жаль его, так жаль, как никогда не бывало.

– Ты, если хочешь, пойдешь на охоту. Нынче лоси сами подходили, – сказал отец, разуваясь.

– Пусть его! – согласилась Наталья.

Теперь редко кто ходил с гольдами на охоту. Не было нужды тащиться в хребты за мехами, когда были другие доходы и можно за деньги получить все, что ввозилось в край отовсюду с тех пор, как введено порто-франко.

Василий до сих пор любил пойти далеко. В детстве его учили охотиться гольды. Соседи корили тогда Егора, что отпускает мальчишку с чужими.

Утром Василий собрался.

– Я несколько дней прохожу, – сказал он отцу.

Васька ушел.

Ушел он не вовремя. Но Егор не стал спорить. Он помнил, как его самого в эти же годы молодые гнели однообразная, скучная жизнь, и как его принуждали делать то, что не хочется.

Глава 13

Опять Илья целое утро возился у кошевки, что-то чистил и налаживал. У Пахома душа радовалась. Сын ведь старался, помня, как он строго наказал, чтобы все нужное для почтовой гоньбы стояло наготове и в исправности.

Илья запряг лошадей в кошевку, перепоясал полушубок широким американским ремнем с карманами. Застегнул все крючки.

Он выехал за ворота, остановил тройку и пошел обратно в избу.

– Кому ты подаешь? – спросила жена.

– Одевайся, бери ребят, поедem кататься.

«Тебе, тебе, жена! – хотелось бы сказать. – Неужели мне только почту на них возить для проезжающих! И не поездим сами!»

– Маслена у тебя? – грубо сказал отец.

– Не маслена. А воскресенье... Кони мои! – ответил Илья.

Дуня оделась, вышла, поглядела на кошевку, на медвежьи шкуры на подкладке, порадовалась, глянула мужу в глаза, но не поехала, чтобы не обижать стариков. Еще почему-то, сама не знала почему... Илья поплелся за ней сумрачный. А потом выбежал и кинулся в кошевку. Он слетел с высокого берега, так что полозья затрещали. Долго гонял тройку по реке. Вернулся и, не пообедав, лег спать.

Пришел Савоська. Он курил трубку и рассказывал вечером разные истории.

Сказал, что тут жил прежде герой Макано, рода Дигор, бегал сразу по сто верст, охотился хорошо, никого не боялся.

– Думаешь, у нас своих героев нет? Не-е-ет...

Савоська сказал, что Горюн называется на самом деле не так.

– По-нашему она называется Светлая. На устье – деревня Бичи... Ньюати-Бичи – значит они живут. Далее деревня Хальбо. Знаешь, что такое Хальбо? – спросил гольд у заспанного Ильюшки.

– Знаю. Рыбалка! – ответил тот.

– Хальбо! Как раз не так! Рыбалка? Нет! Место, где притоняют рыбу. Рыбалка, может, посреди реки тоже есть. А что такое гольд? Знаешь? – обратился старик к Терехе.

Тот ухмыльнулся.

– «Гольд» – такого слова нету. Нас зовете «гольды». Немец говорил: гольд – золото. Русский откуда-то взял – гольд и гольд. Есть деревня, где живут наши. Называется Гольди. А русский думал, так все наши люди называются. «Кто там живет? – спросили. – Гиляки?» Я ответил капитану: «Там деревня Гольди». Сказал, что другой народ оттуда начинается, а он не дослушал, он всегда торопился. Все скорей записывал и говорить со мной не стал. Так написал на карте. А я был молодой. Ну, думаю, он потом догадается и все узнает. А он ни черта не догадался, и стали звать нас, как богатых немцев. А мы сами, мы – наши люди, весь род... как Ньюати-Бичи – там живут. Экспедиция ходит, а не понимает.

Утром Пахом пришел к соседям.

– Егор, поедem в церкву. Все уже поехали нынче. Заночуем там, завтра с утра еще помолимся.

Егор знал, что все поехали в церковь. Дед ему давно говорил, что сегодня придется ехать.

А у Егора душа болела за сына. Василий ушел на охоту и не возвратился вовремя. Правда, он парень умелый и осторожный, но чего на свете не случается.

Приходилось ехать в церковь без Василия. Знал Егор, что Васька удал. Тихий обычно, да, говорят, тихие еще бедовей. Пока как будто Василий ничего не натворил. Как-то жаль было

отцу своего парня. Василий часто скучал почему-то и все думал. Татьяна все дразнила его, что влюбился в проезжую генеральшу.

– Поедем! – сказал отец и велел Петровану: – Закладывай.

Пахом вздохнул облегченно. Он боялся, что Егор откажется. А поп велел Пахому приехать с Кузнецовыми.

– Дом у Бормотовых большой, а народу сколько! И братья не делятся, и сыну не велят, – сказала Наталья мужу, когда Пахом ушел. – Ты уговори его. Я с Аксиной, а ты – с ним. Илюшка не смел, сам не попросится.

– Скажи попу, – бойко сказала Татьяна. – Поп-то все укажет. Пахом послушается.

– А ты разве не едешь? – спросил Егор.

– А я домой пойду. Мужик слег, болен.

Егор жил не в ладах с попом. Но детей приходилось приучать к церкви, посылать на исповедь. Егор учил детей уважать священника.

Наталья надела крытую хорошим сукном шубу, шаль. Бабка вышла в полушубке. Дед Кондрат сел на облучок и взял вожжи.

Егор пошел к брату.

– Что же ты не едешь? Поедем, мы ждем тебя.

– Нет, я не поеду, – ответил Федя.

– Что так?

– Я больной совсем. Трясет.

– А подводы с богомольцами уехали. И мы ждем.

– Дуня идет! – воскликнула Татьяна. – Принарядилась как барыня.

– Илья мой умчался! – входя, сказала Дуня.

– Богу молиться?

– Нет, поехал гулять. Мне скучно – ни спать ни лечь. Ребят моих увезли в церковь. Дом пустой. И у тебя пусто. Сплясать бы нам.

...Дуня просила Илью: «Побудь со мной. Все уехали, мы одни, голубочек мой, чернявенький мой!»

Но Илья не стал ее слушать. А единственный раз можно было побыть наедине, два дня побыть вместе, пока старики и вся семья на миссионерском стане.

«Останься, Илья! – просила Дуня. – Молю тебя!»

Она стала перед ним на колени и обняла их.

А Илью опять ждали в лавке у китайца, близ почтового станка Бельго, в восемнадцати верстах отсюда. Он прошлый раз сгоряча и в досаде пообещал им приехать, когда Дуня не захотела кататься. Илья чувствовал, что получается нехорошо, что либо жену обидит, либо товарищей. Но жена человек свой, никуда-то не уйдет, она его любит. А перед товарищами будет стыдно, нехорошо отступить от данного слова. Над ним и так ямщики посмеиваются, что он у жены под каблуком.

Илья не слушал Дуняшу и одевался.

«Илья! Илья, ты обидишь меня, – приговаривала она. – Илья, смотри, смотри – худо будет!»

С тем они и расстались. Илья сунул в карман карты...

– Соломенная вдова! – воскликнула Дуняша. – Дядя Егор, оставайся с нами, не ездь в церковь... Мы с тобой давай спляшем!

– Ты еще не уездила?

– Кадрель?

– В пост-то... Грех разводить!

– Делов тебе! Ты, говорят, купца-китайца в пост мутузил, да еще в великий! За красивую девку, говорят. Грехи-то отмолил?

– Отмолил. А что?
– А ты с девками гулял когда-нибудь?
– Как же! Хоть и теперь. Вот откроем прииск, и гулянка будет, пир на весь мир. Так не едешь, Федя?
– Совсем силы нет.
– А я куда же, его не кину здесь одного-то, – спохватилась Татьяна.
Егор уж заметил, что у молодых бабенок глаза блестят, они чего-то хотят затеять.
Таня закутала ребятишек и вышла проводить.
– Что же ты, Татьяна? – с оттенком укоризны спросила бабка.
– Да уж берите ребят с собой.
– Ты давно не была, – ответила Дарья. – Да я и сама не люблю этого попа.
Рыжий священник поссорился с Дарьей, однажды обозвал ее колдуньей.
«Какая же я колдунья! Я людей мыться учу, водой с мылом, лечу травами», – отвечала она.

«Лечат лекарствами доктора, – отвечал поп, – а это есть знахарство, колдовство. Лекарства надо готовить химически, на то наука, аптекари. А ты – темнота...»

Потом у попа болела поясница, и он приехал в деревню, осторожно спросил Егора, нет ли у его матери каких-нибудь средств. Бабка Дарья дала травы, и поп вылечился. Старуха была на исповеди и подтвердила перед Богом, что в колдовстве неповинна, что знает все травы, какие растут. Новые, здешние травы она угадывала и пыталась сама и сверяла свои открытия с тем, что уже знают про здешние травы гольды.

Поп отпустил ей грехи...

– Так сама не едешь? – спросила старуха стоявшую на морозе Татьяну.

– Нет.

– Все стали болеть, – сказал дед Кондрат, рассаживая внуков в широкие розвальни. – Научились. Раньше об этом никто не думал и слышно не было. Кто заболел – помер, и все. А теперь друг перед другом выхваляются – у меня мол, тут болит, а у меня вот тут. Городские – те не стыдятся, еще и скажут, в каком месте болит. Срам! Верно говорили прежде, что грамотников будет больше, чем лапотников. Все будут одной веры, а толку не будет.

Старик сел на место и тронул лошадей.

– Говорят, пришлют нам фершала, – сказала Наталья.

– Только и толков будет, что про боль, – ответил дедушка.

«Нету Васьки, – думал Егор, глядя на горы. Он долго еще стоял у второй подводы с кнутом и не садился на облучок, словно ждал, что сын вот-вот выйдет из тайги. – Нету», – вздохнул он. Сел и взмахнул кнутом.

Он знал, Васька бывает и отчаянным, на тигров лезет, убил одного тигра, медведей бил. Пришел однажды и говорит:

«Не буду больше медведей бить. Жалко его... Он как человек, только обиженный...»

«В кого он уродился?» – думает Егор.

Иногда отцу казалось, что Василий скучает, потому что сделать что-то хочет, а не может. И не хочет признаться, что его тревожит. Егор ничего не запрещал ему. Васька любил охоту, но не так, как другие... Мог он выпить, но нельзя его споить водкой. Играл в карты, не выигрывал, не проигрывал. На охоте до сих пор он не блудил и не терялся. Бывало, что спокойно бил самых разъяренных зверей.

Казалось отцу, что у парня его нет отрады. Только девицы заметно волновали Ваську, и вся надежда была у Егора на то, что сын женится удачно и стихнет.

* * *

– Они теперь долго прокатают, – сказала Дуняша.

– Егор отродясь не кричал, а с попом кричит в голос, – сказала Татьяна. – Поп его угощает, и расстаются каждый раз хорошо, но прежде целый день пройдет за спором. Поп упрекает, а сам рад, когда Кузнецовы приедут.

– Илья поехал в Тамбовку в карты играть, – задумчиво сказала Дуня.

Скрипнула дверь. Появился Федька Кузнецов, косая сажень в плечах, в светлой бороде, с улыбкой во все лицо.

– Ты же больной? А босой по снегу ходишь? – спросила Дуня.

– Ну их всех! – Федька ухмыльнулся в бороду.

Мужик счастлив сегодня. Все уехали, его оставили в покое.

– Ханшу хочешь? Или спирт? – сказала Дуня.

– У меня дома хорошая водка есть, – сказала Татьяна.

– Я сказал, буду париться, спина болит, – ответил Федор. – А в баню идти неохота.

– Иди принеси нам водки. Вот тебе будет баня, – ответила жена.

– Мы тебя сейчас вылечим, – сказала Дуняша.

Глава 14

Дерево, сломленное в бурю, отлетело в сторону. Потом его замело и завалило снегом. Пень торчал особняком. Корни приподнялись.

Снег, прибитый ветром, ухал тихо, подламываясь и оседая под лыжами. Солнце в легкой мгле подымалось к вершинам молчаливых лиственниц. Вид был торжественный, словно природа тоже готовилась к рождеству. Снег выпал рано и улежался. Проходя мимо пня, Василий заметил, что под пластом с глиной в темной щели колышутся без ветра мохнатые волокна мочковатых корней травы. Он невольно сорвал с плеча винчестер, заряженный патронами.

Стоял и раздумывал – поднимать зверя или нет.

Подымать медведя из берлоги не хотелось. Но и уходить не хотелось. Что бы сотворить? Он взял на снегу обломленный сук и с силой кинул его в щель, под пень.

Тихо. Васька замотал головой, налег на весло и поехал с горы вниз, закрутил след вокруг скалы, похожей на палец. Снег под ним осел. Васька рухнул куда-то вниз, и его понесло вместе со снегом. Потом он почувствовал, что стоит по колено в теплой воде и по шею в снегу.

Вода! И эта вода быстро точила и съедала упавший снег. Василий забился, стараясь выплыть из тучи снега. Кое-как выбившись, он стал искать свои лыжи.

Дело было совсем плохо. Он начерпал в ичиги. Лыжи нашел и встал на них. Посмотрел вниз – там по всей низине, длинными синими пятнами проступала сквозь снег вода.

– А ведь это Горячая Падь... – пробормотал парень. – До дому недалеко, можно к вечеру добежать.

«Можно, – полагал он, – и не к вечеру, а пораньше, если налечь и постараться». Замокло все, ичиги замekli, а кремня с огнивом не брал. Дядя Савоська всегда учил его – бери кремьнь, не бери спички, черта тебе в спичках. Тайга не город... Без огня сдохнешь.

Не очень сильный мороз, кажется, или просто так разгорячился Василий, что ничего не чувствует. Хорошо, что деревня близко.

Он решил, что нельзя терять времени, ноги на ходу загорятся и высохнут.

Надо бежать как можно быстрее. Одежда обледенела, и, судя по этому, мороз велик. А день короток. Солнце уж поднялось, светит в спину сквозь редкие стволы. Теперь уж не думаешь, красиво ли вокруг. Так на всю жизнь отучишься любоваться.

Под ледяными унтами и штанами в ледяных пупырях – мокро. Но Василий знал, что, когда разгонишься, станет теплей. Он бежал так быстро, как только мог. Ветер подул в лицо, стал жечь щеки и нос. Солнце светило ярко. Славный денек.

Ногам в унтах стало теплей. Сколько Васька бежал, он не знал. В страхе или в деле время идет своим чередом. Уж, кажется, близко Уральское, а все время являются сопка за сопкой, словно кто-то их расплодил нарочно. Какая-то горелая сопка попалась. Василий прежде не замечал ее никогда. А солнце словно стояло или шло вверх иногда. Но Вася знал, что это он сам забирался вверх по мари на плоскогорье.

Вон, слава Богу, Косогорный хребет. Сил остается мало. Васька чувствует, что все жилы его начинают промерзать. На ногах мышцы – как натянутые скрученные веревки.

Он не полез через хребет, а пошел в обход по речке, по речке же вышел к озеру и побежал по релке в редком лесу. Вот уж видны снежные чистые квадраты среди гладких черных стен леса. Пашни! Силы, казалось, прибыло. Пальцы на ногах ничего не чувствуют. Не обмерзли?

Уж близко, а все нет дома.

Васька остолбенел. Что такое? Пожар в нашей деревне? Кто зажег? Неужели по злобе? Кто на кого? Не себя ли кто сжигает?

Парень стал сильно мерзнуть.

Близко от дома, а бьет озноб, все холодней становится. Это потому, что Амур близко, а от него всегда дует.

Нет, это с Федькиной баней что-то случилось. Она вся как в облаках, того и гляди, подымет и ветром ее унесет. На сильном морозе густой пар валит из всех щелей. Рассохлась, что ль? Вот это кто-то парится! Наверное, жарятся наши старики! Вот где тепло!

Васька подумал – в церкву собираются, хотят приехать во всей чистоте. Постятся, праведные люди!

Он представил, как сейчас окунется в этот жар. Спасся наконец-то! Добежал! На рощи солнце вышло над деревьями. А он уж дома! Теперь всю жизнь будет брать кремень и огниво.

Васька забежал в баню. В предбаннике в густом облаке пара содрал с себя меховую куртку, скинул унты, сорвал обледеневшие портянки. Ноги целы!

– Кто тут? Ты, что ли, Васька? – Из пара вышла разморенная женщина. Шея у нее черная, светлые волосы подняты наверх, уши открыты, и от этого кажется она еще голей.

Васька никогда не думал, что Татьяна такая ладная. Лицом она всегда мила, в веснушках. Шутливая озорница! Смотреть на жену дяди Федора всегда приятно. Ему не было двенадцати, когда она вышла замуж за Федьку. Василий был ее любимцем. Иногда она пыталась учить его целоваться, дразня застенчивого молоденького мужа. Васька смущался и дрался с ней. Потом он привык, что Татьяна всегда с кучей ребят, в каких-то юбках, платках, чего-то на ней всегда понадевано, так что кажется она старухой. Только ключицы торчат, словно на ней кожа и кости. А сейчас она такая молоденькая, гладенькая, пухлый живот туго схвачен в поясе, пухленькие ноги. Привычная усмешка и озорство в ее глазах. Конечно, бывало в деревне, что мылись всей семьей. Так было. Ваську лет до двенадцати водили со всеми. Потом стал он ходить мыться с отцом.

– А мы тут отмываем боль и души, – сказала Татьяна. Парня обдало запахом водки. В бане кто-то поддал пару, и послышался какой-то крик.

– Я провалился в тепловод, ноги не поморозил ли...

«А косточка на груди – чистый обман», – подумал Васька.

– А ну, дай лапу. – Татьяна подошла, нагнулась, подняла его ногу.

От струй горячего пара, ударивших с раскаленных камней, в предбанник отступила высокая женщина с темными мокрыми волосами. Васька думал, что там племянники моются. Он узнал Дуняшу Бормотову. Ему ударило в голову, словно он залпом выпил целый стакан спирта.

Она обернулась и вошла с поднятыми на голову руками.

– Вася-а!

Он вскочил, схватил ружье и опрометью кинулся вон из бани, запнулся за порог, ударился о косяк ружьем, увидел, что солнце еще высоко. Он позабыл свое намерение парить мерзлые ноги.

– Куда босой! – закричала Таня и схватила его на снегу за пояс.

– Васька! Куда, грамотей! – Дуня выскочила и схватила его за шею, потянула назад за голову. Парня втащили в баню.

– Вы – пьянчуги!

– Пили на свои!

– Мы тебя выпарим сейчас, только ты зажмурься и не подглядывай, – сказала Дуня, толкнув его на лавку.

– Да, зажмурься! – обиженно отозвался Василий.

Таня – пышка, а Дуня тонка, как лоза, у нее большие пальцы красных распаренных ног. Это Васька еще на снегу заметил, она, стоя сзади него, зашагнула за его ногу. Мокрые груди ее, кажется, устали от парки, отлегли. Дуня прикрывалась веником. Бабы эти свои, домашние, всегда в работе, с ними вместе Васька рос. А тут обе оказались красавицами.

Они принялись снимать с него рубаху, отняли шапку и куртку, делали все быстро.

– Штаны сам.

– А то вдвоем разорвем напополам, потянем в разные стороны.

– Ну, живо! – закричала Танька. – Эка невидаль!

– А че мне стесняться, – осмелел парень. Он встал, исподние свалились, он стоптал их ногами.

– И сразу выстираем, – сказала Татьяна.

Дуня отняла веник от себя и, размахнувшись, хлестнула Василия по лицу.

– Ты чего, взбесилась?

– А тебе жалко нас?

– Конечно, жалко...

– Пожалей нас, Василек. Дома нет никого, деревня пустая!

– Федя мой придет, и будет тебе компания.

– Бык твой, – сказала Дуня.

Татьяна повела Ваське мыльной ладонью по лицу.

– Выпей сначала, – сказала Дуня. Из-под полки она достала бутылку. Васька охотно выпил.

Грудь его сразу согрелась.

– Ух-хо-хо! Ух-хо-хо! – заорал он и прыжками кинулся в парную. Там стоял такой густой пар, словно он попал в дождливое облако на перевале.

– Хватит баловаться! – закричала Татьяна. – Иди к черту.

– Погодите, че вы, ополоумели...

Кто-то дал ему пинка.

– Не мешай, я тебе выстираю все сейчас, а домой побежишь голый в полушубке.

Дуня оплеснула его ведром горячей воды.

– Эй, ты... – Василий схватил ее, но она выскользнула.

– Васятка ты наш, сердечный дружок! – приговаривала Татьяна.

Дуня выбежала и набрала полный таз снега.

– Тебе, чтобы не безобразничал. Залеплю сейчас все.

Васька стал мыться в углу.

– Разотри мне спину, – примирительно сказал он.

– Сначала ты мне, – ответила Дуня.

В предбанник кто-то зашел.

– Федюшка! – сказала Татьяна. Она бросила стирку и, шатаясь, вышла.

– Я сначала думала, он зашел, когда ты влетел сюда.

– А-а, Васька нашелся! – обрадовался дядя Федор. – Погоди, я сейчас схожу принесу тебе. Мы тут угощались.

– Посмотри, как Васька замерз, – сказала Татьяна. – Если ты домой пойдешь за водкой, то принеси ему белья.

– Не домой! У меня бутылка в сугробе... Вода в кадушке. А ты откуда? – спросил он Василия, давая ему бутылку спирта и ковш холодной воды. – Егор беспокоился, что ты вовремя не явился.

Васька выпил, и у него все заходило в глазах. Он присел возле дяди Федора.

– Я медведя нашел.

– А я проснулся, двери распахнуты, изба выстудилась, – ответил Федор. – И не вспомню, что было.

Дуня мелькнула в облаке пара.

– Зашел к Егору – дом пустой. Я испугался. Че такое? Потом вспомнил, мыться надо. А я-то думал, что хунхузы напали. Васька, ты – добрый... Ему бы в монастырь на старых местах! – сказал Федор, обращаясь к Дуне. – А здесь нет монастырей! Церква и та в диковинку.

– Поди, Вася, попарь меня! – сказала Дуня и потянула его за руку. – Встань. Возьми вот веник.

– Горячей-то водой плесни, – сказала Татьяна, – разотри, разровняй ей, где были застежки, шнурки, завязки, ремни. Знаешь, сбруя наша, бабья...

– Обутки наши окаянные! – сказала Дуня.

– Видишь, какая она гладенькая! Ты, поди, и не знал?

– Конечно. Я думал, одни кости. Погоди, я еще помоюсь.

Дуня стала тереться вехоткой с ног до шеи, терла икры, лодыжки, подымала грудь. Васька вдруг поскользнулся на липком полу, женщины подхватили его.

– Васька убился! Дай я тебя обмою, бедненького! – сказала Дуня.

– Загляделся... – захохотала Татьяна.

Дуня прилегла ничком:

– Хлещи меня веником.

– Давай, – крикнула Татьяна, – потом меня.

– Давай еще.

– Я же с тебя кожу сдеру. Ты знаешь, если я изо всей силы хлестну...

– Ничего не будет.

– Это ты спяну не чувствуешь, а потом шкура слезет.

– Эй, стой, так больно.

Васька так опьянел и как бы не совсем понимал, что происходит. Он не признавался себе ни в чем и не желал признаваться, хорошо это или плохо, и не знал, пройдет этот хмель или нет, и что будет.

– Погоди, у меня судорогой ногу свело, – сказала Дуня, поворачиваясь... – Разомни...

– А Егор все одно – где мои Вася! – заходя с веником, молвил огромный Федор. Он для начала окатился холодной водой. Таня стала парить его.

– Иди на золото, Васька, – говорила она, – намой для женского.

– Да заткни пасть своим старухам! – добавил Федор, спяну путая все и не соображая, с кем говорит.

– Намой для женского! – подхватила Дуняша, поворачиваясь под ударами веника. – Как хорошо было, когда мы тут сами мыли. Полотно не ткать, не прясть, сукна не катать... Все покупают, – раскидывая сильные стройные руки, воскликнула она, – а мы как батрачки? Да мы гору своротим, хлеб уберем, несите нам проклятого металла!

– Я же сказал, возьму вас всех с собой! – с чувством воскликнул Василий.

– А тебя-то самого отец возьмет?

– А ему что! Он говорит, всем предоставляет, что нашел. Дает право! Это, говорит, от Бога.

– Ты не поминай в бане-то...

– Целуй меня еще, – сказала Дуня.

Федор оделся и накинул полушубок.

– Ты куда? – спросила Татьяна, когда Васька выглянул в предбанник. – Иди допаривай ее. Оставайся с племянником моим! – Татьяна, запахнув шубку, выбежала и накрепко захлопнула дверь.

Толкая мужа в шею кулаками, она побежала к дому.

Василий подумал, что какая чушь все эти бабьи тряпки, за которыми они гоняются. Дуня была красивей всех картин, снимки с которых видел он в книгах. На ней не было ни нитки, а она как в красивом платье, с такой осанкой, гордая, шея ее открыта, открыто тело и длинные ноги ее как выточенные, только пальцы в мозолях, разбитые работой, ходьбой. Голова ее поднята, а глаза торжественно сияют.

И он любовался ею.

Васька с детства любил смотреть, как купаются в реке, только отца с матерью не любил голых... Дуня повела плечами, словно отбиваясь от комаров и мошки.

...Солнце село, когда Дуня зажгла огарок и распахнула дверь.

Она оделась, накинула платок. Глаза ее истомленно блеснули. Лицо было спокойно, сила и власть выразились на нем.

— Вот я и перебила тебе все, Василек! Не хвали больше генеральскую красоту.

Она исчезла в дверях, и слышно было только скрип, как побежала она по снегу...

Глава 15

Отец Игнат пригласил всех ужинать. Попадья подала постные щи и капусту с постным маслом. Все ели с большой охотой после целого дня молитвы. Старой попадье помогала молодая жена отца Алексея.

Тут же сидел сам отец Алексей, еще совсем молодой черноглазый и скуластый, с большим лбом. Бороденка у него плохо росла, ключья ее торчали на подбородке, и походил он в рясе больше на воина с маньчжурской картинки, чем на православного священника.

Егор, как и все крестьяне Уральского, помнил, как, желая заручиться поддержкой попа, пошел Алешка на стан в услужение, потом окрестился, стал учиться, выказал способности к грамоте, женился и наконец послан был в ученье. Он вернулся в сани на озеро Мылку, откуда был родом, где смолоду был бесправен, безграмотен и кругом обманут. Даже отец Игнат дурачил его в те поры без совести, еще не ведая тогда, что доверчивый паренек со временем сам станет попом-грамотеем. Жена Алексея – молоденькая хрупкая Дельдика, дочь Кальдуки...

Целая деревня ела и пила в доме у Игната. Спать легли в домах у обоих священников. Места всем не хватило.

– В храме тепло, – сказал старый поп. Он велел Егору со старшим сыном и Тимохе со своими парнями идти в церковь.

Ночь была звездная, и мороз все крепчал. Лес и огромное озеро видны были как днем. Стояла тишина. Церковь темной копной возвышалась на вырубке.

– Вроде как-то совестно в храме-то. Вдруг ночью-то... захрапишь, – сказал Тимоха.

– Бог простит! – ответил отец Игнат.

Он отпер ключом тяжелый замок, открыл большую дверь и полустворку второго входа. Зажег свечу.

– А как же в древности? Церковь была и храмом и крепостью. Нападают враги, а уж народ соберется в церковь и высиживает осаду с женами и детьми. Пока не подойдет подмога. Окна были узкие, всюду решетки. В подвале – колодец. Все было оборудовано. И люди спали и ели, жили в церквях неделями.

– Конечно, – сказал отец Алексей, проходя с работником-гольдом, который нес сено. – Если нападут – закроемся. И отстреляемся. Такие стены пуля не пробьет.

Работник еще раз принес сено, застелил все палаткой, и крестьяне улеглись. У старшего Тимохиного сына Андрея болел зуб. Он мучился и не спал. Егору тоже не спалось. Он не был здесь с весны. За лето и осень миссионерский стан еще лучше отстроился. Попы основали здесь целое селение, развели сад и огороды. Два дома священников, дома причта, сараи как бы образовывали целую деревню. На отлете построена школа для гольдских детей.

Крестьяне всегда чувствовали себя здесь не дома. Приезжали, как на дальнее моление в монастырь.

Егор полагал, что теперь церковь надо бы строить свою, в деревне. Скоро будет там школа. Позапрошлым летом заложен фундамент, завезены бревна, и все приготовлено. Но работу велели остановить из-за какой-то бумаги, которая еще не поспела из города. Будущим летом надо все закончить. Но если народ потянется на прииски, то кто же будет работать? Время уйдет. Егор подумал, что даже за золото плотников тогда не сыщешь. Теперь научились плотничать гольды в соседних деревнях. Скоро в город с почтой поедет Василий. Он должен взять там нужную бумагу. Дано будет разрешение крестьянскому обществу открыть свою школу в Уральском. Бумага, наверное, уже выправлена, дело за работниками. Егор решил, что сразу после Рождества надо возводить стены, пока народ не разбежался на золотые прииски. Также со временем придется строить церковь, чтобы не зависеть от миссионеров. Васька

поедет в город и все там узнает... На тот год учитель уж придет. Если школу не откроем, будет учить ребят у кого-нибудь в старой избе.

Утром отец Игнат отслужил обедню и стал исповедовать.

Потом Тимоха Силин с сыном торгаша Санкой Барабановым пилили дрова, Бормотовы возили сено с лугов. Долговязый Андриушка Силин с завязанной щекой ошкурал бревна. За последний год поп стал поосторожней, меньше брал с крестьян, не требовал себе долю с добычи золота, хотя и не отказывался, когда несли. У него было довольно богатое хозяйство, двое работников едва успевали со всем справляться.

Федор Кузьмич Барабанов говаривал про попа, что нынче копит рыжий деньги, а не меха...

Перед отъездом Егор перетолковал с попами о школе и церкви в Уральском.

– А не хочешь, Егор Кондратьевич, чтобы сын твой Василий на сельского учителя сдал? – спросил его отец Алексей.

Кузнецовы поехали домой. День был не долог, но солнце ярко горело, словно близилась весна. Лошадь прыдала ушами.

«Едем как из дальней дороги», – подумал Егор.

Столько обо всем наслушались и про все наговорились, что, кажется, много времени прошло.

Деревня открылась за буграми, дорога тут была прямая, через лес и пашни, а не кривунами по реке, через торосы, как прежде. Кони зарысили. Догнали мальчиков-гольдов. Они вдвоем шли с котомками. Видно, с утра отпущены попом домой. Не ближний путь шагать им до стойбища Бельго. Егор велел своим потесниться. Маленьких гольдов посадили в кошевку и прикрыли меховым одеялом. Один сразу задрожал, озноб почувствовался сильнее, когда мальчик стал согреться.

– Чаем тебя напоить, – сказала бабка Дарья, – да уложить спать на полати. Потом уж дойдешь домой. Может, и попутчики будут. Разве можно в такой мороз пешком. Вот они и болеют с детства. Кашляют, а говорят, что мороза не боятся.

– Где-то Василий, – сказал Егор. – Что-то с ним...

– Ничего с ним не станется, – ответила Наталья. Но в душе и она беспокоилась.

Таня выбежала встречать приехавших.

– Где Василий?

– Дома. Он устал с охоты, – ответила Татьяна как-то боязливо, как показалось Егору. – Бедняга ваш Васька, – громко сказала Татьяна, входя в избу. – Замаялся.

Василий живо прыгнул с полатей.

– Ты куда это забрался? – удивилась Таня. – Повыше бы!

Вид у Васьки виноватый, он как побитый.

«Где-то таскался, может, совсем не на охоте, – снимая доху, подумал Егор. – На грамотного чего не подумаешь! А часто он как виноватый. А будто добрый и кроткий».

– Ну, чего расселся? – грубо сказала Василию мать. – Пособи дедушке раздеться, иди коней распряги, дела полон рот, бесстыжий, а от тебя водкой разит. Книги разложил, все читаешь. Читарь какой нашелся!

– Я не пил! – ответил Вася обиженно и ушел.

– Что ты его обижаешь! – сказал отец насмешливо.

– Его обидишь!

– Он в самом деле пришел из тайги, замаялся...

Татьяна прыснула.

– Ты что?

– Ничего. А что я? – строго спросила Татьяна у Егора.

Послышались колокольцы. Вихрем промчались мимо избы Ильюшкины кони.

– Вот как молодые-то постятся! – приговаривал дед, еще не находя себе места на лавке, зная, что чем-то заняться надо, но еще не зная чем.

Вид сына Егору не понравился. Что-то он все же натворил на этот раз.

– А Федька где? – спросил дед.

– Все там же.

– Что такое! – удивился старик. – Все болеют. Еще фершала им не хватало.

В протаявшее окно видно было, как Илья выскочил из саней, открыл ворота, заехал во двор, и ворота закрылись.

Наталья заметила тревогу в глазах Татьяны. Та замерла и окаменела, на ворота глядя.

... – Я больше не хочу тут жить! – сказала Дуняша мужу. – Я тебе изменила.

Илья обмер. Этого он не ожидал. Дикие глаза его загорелись, и он крикнул:

– Делимся!

– Да ты отцу скажи.

– Что там отец! – кричал Ильюшка как от боли. – Делимся, и все! Сейчас же!

– Как это сейчас? – улыбнулась Дуняша, и лицо ее стало теплым, а Илье от этого стало еще больней. Он готов был разреветься.

– Куда идти-то? Избы у тебя нет.

– Изба будет живо. Лес есть! – Глаза Ильи сверкали с каждым словом, как пароходные фонари в непогоду с порывами ветра. – А пока пойдем в старую избу к Кузнецовым. И все!

– Пока своей не будет, я никуда не пойду. Или уеду в Тамбовку.

– Да ты что?

Илья еще не знал и не думал, на самом ли деле изменила ему жена или нет. Но все, что она говорила, казалось ему таким страшным, что он согласен был сделать все...

– Вот ты все молчал и ухмылялся. Эх ты! Гром не грянет, – сказала ему жена.

– Я сейчас к Ваське пойду. Он и его отец никогда мне ни в чем не откажут. Мой товарищ, Васька отдаст мне избу...

– Не смей! – мертвея лицом, закричала Дуня так страшно, что Илья обмер. Впервые в жизни она закричала.

Ворота заскрипели. Въехали подводы. В избу зашли родители.

... На другой день Илья привез сухие бревна, которые были наготовлены у него на заимке давно. Он попросил Егора определить уровень и отвес. Пришел китаец Сашка Кузнецов. Втроем они начали строить дом.

За обедом Пахом спросил:

– Что же это ты?

– Я сказал, что делимся! – спокойно ответил Илья.

– И все?

– И все!

На другой день Илья продолжал работу с Сашкой. Егор с артелью мужиков, не ожидая бумаги из Хабаровки, начал постройку школы.

Глава 16

Прошло Рождество, Новый год наступил, минули крещенские морозы, пришел обоз с казенных золотых приисков, и Василий уехал с ним в низовья. А за бумагой в город поехал кореец Николай.

С каждым днем все выше поднималось солнце и все жарче палило, ветры становились все злей и стужа лютей. Но когда заберешься в затишье, то почувствуешь на лице теплоту предвесеннего луча.

Ночью в доме Бердышовых, где жил крещеный гольд Савоська, родной брат тестя Ивана Карпыча, и где обычно светился по вечерам одинокий огонек, вдруг вспыхнули ярко все окна. А перед этим в сумерках слышны были колокольцы. Сначала никто не обратил внимания, не редкость звон их на проезжем тракте.

Лампы в новом доме зажигались, только когда приезжал хозяин.

– Иван тут! – сказал, входя в дом, Петрован, старший сын Егора. Был он худ, лицо у него плоское, как тарелка, он рус, брит, неразговорчив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.